

С О Ф И

КИНСЕЛЛА

Минни
Шопоголик

Шопоголик

Софи Кинселла
Минни шопоголик

«ЭКСМО»

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Минни шопоголик / С. Кинселла — «Эксмо»,
— (Шопоголик)

ISBN 978-5-699-92133-1

На дворе экономический кризис. Карьеры рушатся, магазины разоряются, а обанкротившиеся шопоголики лишены главного, того, что украшало их жизнь и составляло ее смысл, - возможности покупать. Вот и бедняжка Бекки вынуждена обуздать демона потребления. Дав любимому мужу клятву не нести домой лишнего, она тут же нарушает ее. Но как тут сдержаться, если двухлетняя дочка Минни сама тянется за новыми туфельками... А еще не за горами день рождения мужа. И какое веселье может быть без вечеринки-сюрприза? Вот только организация мероприятия, да еще в такие сложные времена, - дело не из легких. И Бекки придется применить всю свою смекалку, чтобы устроить праздник, который запомнят на долгие годы.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92133-1

© Кинселла С.
© Эксмо

Содержание

1	7
2	13
3	25
4	39
5	49
6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Софи Кинселла

Минни шопоголик

Игровая группа «Тик-так»

Олд Барн
Спенс-Хилл, 4
Окшотт
Суррей

Миссис Ребекке Брендон
«Сосны»
Элтон-роуд, 43
Окшотт
Суррей

1 сентября 2005 года

Уважаемая миссис Брендон,

Мы были рады видеть Вас и Минни вчера. Не сомневаемся, ей понравилось на нашей веселой детской площадке, где царит непринужденная атмосфера, и надеемся, Вы посетите нас на следующей неделе.

С наилучшими пожеланиями,
Тери Эшли, игровой менеджер

P. S. Пожалуйста, не расстраивайтесь из-за незначительного инцидента с разбрызганной краской. Мы привыкли к детям и в любой момент можем перекрасить стену.

Игровая группа «Тик-так»

Олд Барн
Спенс-Хилл, 4
Окшотт
Суррей

Миссис Ребекке Брендон
«Сосны»
Элтон-роуд, 43
Окшотт
Суррей

4 октября 2005 года

Уважаемая миссис Брендон,

Всего несколько конфиденциальных соображений насчет Минни.

Она очаровательный ребенок, очень живой и веселый. Однако ей стоит усвоить, что нельзя надевать все игровые костюмчики каждый день и что

туфельки принцессы не годятся для игр на улице. Возможно, мы обсудим это на предстоящем утреннике для родителей и детей.

С наилучшими пожеланиями,
Тери Эшли, игровой менеджер

P. S. Пожалуйста, не расстраивайтесь из-за незначительного инцидента с клеем. Мы привыкли к детям и можем в любой момент заново покрыть стол лаком.

Игровая группа «Тик-так»

Олд Барн
Спенс-Хилл, 4
Окшотт
Суррей

Миссис Ребекке Брендон
«Сосны»
Элтон-роуд, 43
Окшотт
Суррей

9 ноября 2005 года

Уважаемая миссис Брендон,

Спасибо Вам за Ваше письмо. Я рад, что Вы с нетерпением ожидаете утренника для родителей и детей. К сожалению, для взрослых не предусмотрены специальные костюмы, как и возможность «обменяться одеждой с другими родителями», как Вы предлагаете.

Рад сообщить, что Минни стала более активной на детской площадке и проводит много времени в нашем новом уголке «Магазин».

С наилучшими пожеланиями,
Тери Эшли, игровой менеджер

P. S. Пожалуйста, не расстраивайтесь из-за незначительного инцидента с чернилами. Мы привыкли к детям, и миссис Сопер может в любой момент заново покрасить волосы.

1

Так. Без паники. Я тут главная. Я, Ребекка Брендон (урожденная Блумвуд), взрослая. Я, а не моя двухлетняя дочь.

Только не уверена, что она в курсе.

– Минни, солнышко, отдай мне пони. – Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно и убедительно, как у Нянюшки Сью из телика.

– По-о-о-о-о-они. – Минни еще крепче вцепляется в игрушку.

– Никаких пони.

– Мой! – истерично вопит она. – Мо-о-о-о-ой пон-и-и-и-и-и!

Черт. У меня в руках миллион пакетов с покупками, я обливаюсь потом. Только истерики мне и не хватало.

Все шло так хорошо. Я обежала торговый центр и купила абсолютно все, до последней мелочи, из рождественского списка. Мы с Минни топали к «Пещере Санта-Клауса», и я лишь на минуточку притормозила у кукольного домика. И тут Минни сцапала с витрины игрушечного пони и наотрез отказалась поставить его обратно. И я окунулась в пони-кризис.

Плывущая мимо мамочка в обтягивающих джинсах «Джей Бренд» с безупречно одетой дочкой учиняет мне «мамашин обзор». Меня передергивает. После появления Минни я поняла, что «мамашин обзор» даже круче, чем «манхэттенский». При «мамашином» одним взглядом оценивается не только стоимость твоей одежды с точностью до пенни. Черта с два. Тут учитывается одежда ребенка, марка коляски, сумка для подгузников, то, чем ты его кормишь, а также улыбается ли твое чадо, злится или визжит.

Понятно, что за одну секунду усечь все это затруднительно, но поверьте мне, мамы способны и не на такое.

Одежда Минни наверняка получает высший балл (платье: эксклюзив от Дэнни Ковитца, пальтишко: Рэйчел Райли, туфельки: «Бэби Диор»), К Минни надежно пристегнуты детские вожжи (кожаные, от Билла Эмберга, очень клевые, их фотография была в «Бог»), Но вместо того, чтобы ангельски улыбаться, как девочка из журнала, Минни натягивает эти самые вожжи, словно бык, рвущийся на арену. Бровки яростно нахмурены, щечки пламенеют, и она набирает в легкие воздух, готовая снова взреветь.

– Минни! – Я отпускаю вожжи и обнимаю ее, чтобы она почувствовала себя спокойно и уверенно, – так советует Нянюшка Сью в своей книге «Укрощение малышей с трудным характером». Я купила ее на днях и пролистала. Просто из любопытства. Нельзя сказать, что у меня с Минни *проблемы* или типа того. Она вовсе не *трудный ребенок*. И не «непослушная и капризная», как сподобилась заявить тупая учительница из детской музыкальной группы. (Что она понимает? Она даже не умеет толком играть на треугольнике.)

Просто Минни... настойчивая. У нее обо всем свое мнение. Скажем, о джинсах (она их не наденет) или о моркови (она не возьмет ее в рот). А сейчас она твердо убеждена, что должна получить игрушечного пони.

– Минни, дорогая, я тебя очень люблю, – воркую я, – и буду очень, очень счастлива, если ты отдашь мне пони. Вот так, дай его мамочке... – Почти получилось. Еще чуть-чуть – и игрушка у меня.

Ха. Родительские навыки. Их у меня не отнять. Не могу удержаться и оглядываюсь, желая выяснить, видит ли кто, как ловко я справляюсь с ребенком.

– Мо-о-о-о-о-ой! – Минни выхватывает пони у меня из рук и убегает в глубь магазина.

– Минни! МИННИ! – захожусь я в крике.

Подхватив пакеты, во всю прыть несусь за Минни. Она тем временем успела исчезнуть в отделе «Экшнмэн»¹. Господи, не понимаю, и зачем только мы тренируем всех этих спортсменов для Олимпийских игр. Можно просто послать туда команду карапузов.

Догнав дочь, я пыхчу как паровоз. Надо бы все-таки заняться послеродовыми упражнениями.

– Отдай мне пони! – Я пытаюсь завладеть дурацкой лошадкой, но Минни вцепилась в нее словно клещ.

– *Мой пон-и-и-и-и!* – Карие глазки сверкают упрямством. Иногда она становится так похожа на своего отца, что я вздрагиваю.

Кстати говоря, а где Люк? Мы же собирались делать рождественские покупки *вместе*. Всей *семьей*. Но он испарился час назад, пробормотав, что ему надо куда-то позвонить, и с тех пор я его не видела. Сидит, наверное, где-нибудь с газетой и потягивает капучино как цивилизованный человек. Вечно так.

– Минни, мы не будем его покупать, – чеканю я своим самым твердым голосом. – У тебя полно игрушек, и пони тебе не нужен.

Женщина с всклокоченными темными волосами, толкающая коляску с двойняшками, одобрительно кивает мне. Не могу удержаться и устраиваю ей «мамашин обзор». Она из тех мамочек, что носят «кроки» с носками грубой домашней вязки. (Зачем так делать? Зачем?)

– Чудовищно, верно? – кривится она. – Эти пони стоят сорок фунтов! Мои ребятишки их даже и просить не станут, – добавляет она, глядя на двух мальчиков, смиренно сидящих в коляске и сосущих большие пальцы. – Стоит им уступить – и все, это начало конца. Своих-то я хорошо воспитала.

Выпендрейница.

– Точно, – с достоинством отзываюсь я. – Не могу с вами не согласиться.

– Некоторые родители просто купили бы игрушку, чтобы утихомирить своего ребенка. Никакой дисциплины. Отвратительно.

– Ужасно, – киваю я и словно ненароком протягиваю руку, но Минни ловко уворачивается. Проклятье.

– Самая большая ошибка – идти у них на поводу. – Женщина сверлит Минни взглядом. – Этим-то мы их и портим.

– Ну, я никогда не иду на поводу у моей дочери, – оживляюсь я. – Минни, пони ты не получишь. И точка.

– Пон-и-и-и-и-и! – Вопли Минни сменяются душераздирающими всхлипываниями. Ну и актриса же она. (Вся в мою мамочку.)

– Удачи. – Женщина разворачивает коляску. – Счастливого Рождества.

– Минни, хватит! – яростно шиплю я, как только женщина скрывается из виду. – Ты позоришь нас обеих! Зачем тебе вообще этот идиотский пони?

– Пон-и-и-и-и-и-и! – Она прижимает пони к себе, словно это давно пропавший любимец, которого продали на базаре в пятистах милях от дома, и он только что приковылял обратно на ферму, весь израненный, чтобы поприветствовать хозяйку радостным ржанием.

– Это просто дурацкая игрушка, – стою я на своем. – Что в ней такого хорошего?

Хм. Вообще-то... он *действительно* ничего. Из натурального дерева, белого цвета, весь в блестящих звездочках, мордочка разрисована вручную и такая симпатичная. И красные колесики.

– Тебе совсем не нужен пони, Минни. – Мой голос звучит гораздо менее убедительно. Господи, седло! Это что, натуральная кожа? Уздечка с застежками совсем как настоящая, а грива сделана из конского волоса. И к нему прилагается набор щеточек.

¹ Английские куклы для мальчиков в виде военных, шпионов и тому подобное. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Сорок фунтов совсем не дорого. Я кручу маленькое красное колесико, и оно вертится просто идеально. У Минни еще нет игрушечного пони. Явный пробел.

Это не значит, что я ей поддамся.

– Его можно завести. – Оглядываюсь и вижу, что к нам приближается пожилая продавщица. – Ключ в подставке. Вот он.

Она поворачивает ключ, и мы с Минни зачарованно глазеем на пони – он поднимается и опускается под звяканье музыки, словно карусельная лошадка.

О господи! Я просто *влюблена* в этого пони.

– На него специальная рождественская цена – сорок фунтов, – добавляет продавщица. – Обычно мы продаем их за семьдесят. Ручная работа, из Швеции.

Скидка почти пятьдесят процентов! Так и знала, что совсем недорого. Разве я этого не говорила?

– Он тебе нравится, верно, малышка? – Продавщица улыбается Минни, и та расцветает в ответ, забыв о своих бедах. Не хочу хвастаться, но дочурка выглядит такой очаровательной в своем красном пальтишке, с темными хвостиками и ямочками на щеках. – Будете его покупать?

– Я... э...

Ну же, Бекки. Скажи «нет». Будь образцовой мамой. Уматывай отсюда.

Я снова глажу гриву пони. Он просто потрясающий. Посмотрите только на его милую мордочку. Пони – это оригинально, правда? Он никогда не надоест. Это классика. Это как жакет от «Шанель», только игрушка.

Кстати, ведь на носу Рождество. И распродажа. Кто знает, неожиданно приходит мне в голову, вдруг Минни станет знаменитой наездницей. И этот игрушечный пони подтолкнет к тому, чтобы ее талант расцвел. Я представляю, как моя двадцатилетняя дочь стоит в красном жакете рядом с роскошной лошастью, она только что победила на Олимпийских играх, и говорит в камеру: «Все началось на Рождество. Я получила подарок, который изменил мою жизнь...»

Мой мозг работает, словно компьютер, анализирующий ДНК. Нужно изловчиться и сделать одновременно следующее: 1. Не поддаться на шантаж Минни. 2. Остаться хорошей матерью. 3. Купить пони.

Срочно нужно отыскать умное и неожиданное решение. Вроде тех, за которые Люк отваливает своим консультантам кучи денег...

И тут меня осеняет. Совершенно гениальная идея. И почему только я раньше не догадалась? Я достаю телефон и пишу Люку.

Люк! У меня отличная мысль. Нужно выдавать Минни карманные деньги.

Тут же прилетает ответ:

Зачем?

Энергично набиваю:

Чтобы она делала покупки, конечно. Нужно разбираться в финансах с детства. Прочитала в статье. Помогает развитию ответственности.

Минуту спустя ответ от Люка:

А нельзя просто купить ей ФТ?²

Быстро жму на кнопки телефона:

² Британская деловая газета «Файнэншиал тайме».

Не смешно! Два фунта в неделю?

И тут же:

Чокнулась? Хватит 10 пенсов.

Я с негодованием пялюсь на экран телефона. *Десять пенсов?* Да он просто скупердяй. Что малышка сможет себе позволить на такую сумму? На десять пенсов в неделю пони мы не купим. Так, вот мой ответ:

50 пенсов в неделю. Среднее по стране. (Он не удосужится проверить.)
Ты где? Пора к Санте!

Ладно. Скоро буду.

Ура! Я убираю телефон и быстро подсчитываю в уме. Пятьдесят пенсов в неделю за два года составит пятьдесят два фунта. Проще некуда. Господи, и почему я раньше не додумалась до карманных денег? Класс! Перед нашим шопингом открываются новые горизонты.

Я поворачиваюсь к Минни, гордая собой, и провозглашаю:

– Послушай, дорогая, я не стану покупать тебе этого пони, потому что уже сказала «нет». Но ты сама можешь купить его на *собственные карманные деньги*. Правда, здорово?

Минни разглядывает меня с недоверием. Будем считать, что молчание – знак согласия.

– Поскольку ты раньше ничего не тратила, у тебя накопились деньги за два года. Этого достаточно. Видишь, как полезно экономить? – добавляю я нравоучительно. – Весело, правда?

Мы идем к кассе, и меня раздражает от самодовольства. Вот это, я понимаю, ответственный подход к воспитанию ребенка. Я с ранних лет знакоблю дочь с принципами финансового планирования. Да я могу стать телевизионным гуру! *Руководство Супер-Бекки для финансово ответственных родителей*. В каждом выпуске на мне будут новые сапожки...

– Тележа.

Я возвращаюсь на землю и обнаруживаю, что Минни бросила пони и ухватилась за розовый пластиковый ужас. Это тележка Винни из мультика. Где она ее откопала?

– Тележа? – Она с надеждой поднимает на меня глаза.

Что?

– Нам не нужна тележка, дорогая. – Я вся терпение. – Ты хотела пони. Очень симпатичного *пони*. Помнишь?

Минни взирает на деревянное животное с полным равнодушием.

– Тележа.

– Пони! – Я поднимаю лошадку с пола.

Какое разочарование. Как она может быть такой непостоянной? Это тоже бабушкино наследство.

– Тележа!

– Пони! – кричу я громче, чем намеревалась, и трясую гривой перед ее носом. – Я хочу *пон-и-и-и-и-и...*

И тут я чувствую затылком чей-то сверлящий взгляд. Оборачиваюсь и вижу женщину с мальчиками-близнецами. Она стоит в нескольких ярдах и уличающе щурится.

– Я считаю... – Торопливо опускаю пони, мои щеки пылают. – Да, вполне можно сделать покупку на карманные деньги. Основы финансового планирования. Сегодня мы узнали, что сначала надо *экономить*, а потом можно и потратиться, верно, дорогая? Минни готова отдать все свои карманные деньги за пони, и это очень хороший выбор...

– Я нашла еще одного! – Как из-под земли снова появляется продавщица, она запыхалась, в руках у нее пыльная коробка. – Он лежал на складе, и они составляли пару, видите...

Существует *еще один* пони?

Она вынимает его, а я тем временем ловлю ртом воздух. Пони темно-синий, как ночное небо, грива черная, он усеян звездочками, а колесики золотые. Совершенно обалденный. И так подходит к первому. Боже, мы должны заполучить их обоих. Просто *обязаны*.

Женщина с коляской и глазами-сверлами никуда не уходит. Сгинь!

– Жаль, малышка, что ты уже спустила все свои карманные деньги, верно? – Напряженная злая улыбка выдает, что она никогда не радуется и не занимается сексом. По некоторым людям это сразу видно.

– Да, похоже, так оно и есть. – Я с ней предельно вежлива. – Тут возникает проблема. И ее надо решить. – Я какое-то время усиленно размышляю, а потом обращаюсь к Минни: – Солнышко, это твой второй важный урок по финансовому планированию. Иногда, когда нам выпадает возможность изумительной, уникальной сделки, можно сделать *исключение* из правил. Это называется «ловить момент».

– Вы собираетесь *купить* его? – В голосе мамыши явное недоверие.

А ей-то какое дело? Господи, вечно эти мамашки суют нос куда не следует. Как только у вас появляется ребенок, вы словно тут же превращаетесь в раздел интернет-сайта, озаглавленный «Место для ваших грубых и обидных комментариев».

– Разумеется, я не собираюсь покупать его. – В моем тоне появляются металлические нотки. – Она потратит на него *свои* карманные деньги. Лапонька, – я наклоняюсь и стараюсь завладеть вниманием Минни, – если ты заплатишь за второго пони из собственного кармана из расчета пятьдесят пенсов в неделю, то на это уйдет... шестьдесят недель. Тебе придется взять кредит. Он называется «овердрафт», – излагаю я с максимальной доступностью. – То есть ты потратишь все карманные деньги, полагающиеся тебе к трем с половиной годам. Согласна?

Минни слегка сбита с толку. Ну и что? Я сама пребывала в замешательстве, когда брала свой первый кредит. Опыт приходит со временем.

– Мы все уладили. – Одаряю продавщицу сияющей улыбкой и протягиваю ей «Визу». – Мы берем обоих пони, спасибо. Видишь, дорогая? – обращаюсь я к Минни. – Мы с тобой сегодня усвоили такой вот урок: никогда не сдавайся, если тебе действительно чего-то хочется. Пусть все выглядит безнадежно, но выход обязательно найдется.

Чувствую законную гордость, ведь я приняла мудрое решение. К этому и сводится воспитание. Надо учить ребенка постигать законы жизни.

– Знаешь, однажды я с блеском вышла из затруднительного положения, – щебечу я, набирая пин-код. – Как-то я углядела сапоги «Дольче и Гаоана» с девяностопроцентной скидкой! Только на моей карте не было ни пенни. Но разве я спасовала? Нет. Никогда!

Минни слушает меня так жадно, словно я рассказываю ей сказку про трех медведей.

– Я обошла всю квартиру, порылась в карманах и сумочках, набрала много маленьких монеток... и догадайся, чем все кончилось? – Я делаю эффектную паузу. – У меня оказалось достаточно денег! И я смогла купить сапоги! Ура!

Минни хлопает в ладоши, и, к моей радости, близнецы тоже начинают бурно выражать свой восторг.

– Хотите выслушать еще одну историю? – ликую я. – Хотите узнать про распродажу образцов в Милане? Однажды я шла по улице и вдруг увидела *таинственный знак*. – Я выразительно таращусь на мамашу близнецов. – И как вы думаете, что там было написано?

– Какая-нибудь чушь. – Женщина вцепляется в ручку коляски. – Хватит, пора домой.

– Слушать! – требует один из мальчишек.

– Не будем мы ничего слушать. Вы чокнутая, – бросает она мне через плечо. – И удивляться нечего, что у вас такой избалованный ребенок. Туфельки у нее от Гуччи, да?

Избалованная?

Кровь бросается мне в лицо, я застываю в шоке. Минни вовсе не избалованная! И «Гуччи» не делает таких туфелек.

– Она не избалованная!

Но женщина уже скрылась за витриной с Почтальоном Пэтом³. Я, разумеется, не побегу за ней с криком: «Мой ребенок хотя бы не сидит целыми днями в коляске, сунув палец в рот! И кстати, вам не приходило в голову вытереть им носы?»

Не стану показывать Минни подобный пример.

– Вперед, Минни! – стараюсь успокоиться я. – Пошли к Санта-Клаусу. Это развеселит нас.

³ Герой британского сериала мультфильмов.

2

Нет, никакая Минни не избалованная. Ни капельки!

Ладно, у нее случаются небольшие капризы. А у кого не случаются? Но она не избалованная. Я бы это знала. Я же ее *мама*.

Но все же по пути к «Пещере Санта-Клауса» я пребываю в смятении. Как можно быть такой подлой? Да еще в рождественский сочельник.

– Покажи всем, какая ты послушная, солнышко, – бормочу я Минни. – Побудь ангелочком перед Санта-Клаусом, хорошо?

Радио исторгает «Джингл беллз», и я чуть взбадриваюсь. Обожаю Рождество.

– Посмотри, Минни! – волнуясь я. – Посмотри на северного оленя! Взгляни на подарки!

Вот сани и два оленя в натуральную величину, искусственный снег и много девушек, одетых эльфами, их зеленые костюмчики – это что-то новенькое. У входа в пещеру моргаю от удивления при виде эльфа с загорелой ложбинкой между грудей. Неужели в наши дни Санта-Клаус находит себе эльфов в гламурных модельных агентствах? И уместны ли у эльфа фиолетовые акриловые ногти?

– Веселого Рождества! – улыбается девушка и ставит штамп на билете. – Обязательно подойдите к нашему Рождественскому Колодцу Желаний и оставьте в нем свою просьбу на Рождество. Санта-Клаус их потом прочитает!

– Ты слышала, Минни? Мы можем загадать желание! – Я смотрю на Минни, но она молчит, испуганно таращась на эльфа.

Видите? Она ведет себя безупречно.

– Бекки! Я здесь!

Поворачиваюсь и отыскиваю глазами маму. Она уже стоит в очереди, на ней нарядный мерцающий шарф, и она держит за ручку коляску Минни, набитую пакетами и свертками.

– Санта-Клаус только что пошел попить чайку, – сообщает мама. – У нас в запасе полчаса. Дедушка отправился за дисками для видеокамеры, а Дженис – за рождественскими открытками.

Дженис – мамина соседка. Она покупает рождественские открытки за полцены в сочельник, заполняет их первого января и весь оставшийся год хранит в ящике. Она называет это «опережать время».

– Дорогая, хочешь посмотреть на мой подарок Джесс? – Мама роется в сумочке и, волнуясь, показывает мне деревянный ящичек. – Как думаешь, годится?

Джесс – моя сестра. Вернее, наполовину сестра. Через несколько дней она прибудет из Чили, и мы устроим для них с Томом второе Рождество – с индейкой, подарками и всем таким прочим! Том – бойфренд Джесс. Он – единственный сын Дженис и Мартина, я знаю его с пеленок, и он очень...

Он действительно...

Неважно. Главное, они любят друг друга. А вечно потные руки Тома в Чили – сущий пустяк, согласны?

Их приезд – нечто фантастичное, особенно потому, что мы наконец-то, *наконец-то* сможем крестить Минни. Джесс будет крестной мамой. Но я понимаю, почему моя мама на грани нервного срыва. Для Джесс трудно подобрать подарок. Она не одобряет ничего нового, или дорогого, или пластикового, или с консервантами, или преподносимого не в упаковке из пеньки.

– Вот что я купила. – Мама открывает крышку ящичка, и я любуюсь шеренгой шикарных стеклянных бутылочек, переложенных соломой. – Это гель для душа, – быстро поясняет она. – Не для ванны, боже упаси. Нам не нужна еще одна Третья мировая война.

Когда в прошлый раз Джесс гостила у нас, случился небольшой дипломатический конфликт. Мы праздновали ее день рождения, и Дженис подарила ей пену для ванны. И Джесс разразилась десятиминутной лекцией на тему, какая прорва воды уходит на ванну, как это нелепо – одержимость чистотой, надо, мол, просто раз в неделю принимать пятиминутный душ, как это делают они с Томом.

А Дженис и Мартин тогда только-только установили джакузи.

– Что скажешь? – вопрошает мама.

– Даже не знаю. – Я вчитываюсь в мелкий текст на этикетке. – Там есть какие-нибудь добавки? Производитель этого геля не эксплуатирует людей?

– Ох, дорогая, сейчас ни за что нельзя поручиться. – Мама с опаской смотрит на коробку, словно в ней ядерное оружие. – Здесь написано «натуральный продукт». И это хорошо, правда?

– Думаю, все будет в порядке, – киваю я, – только не признавайся, что купила в торговом центре. Скажи, заказала в независимом кооперативе.

– Хорошая идея. – Мамино лицо светлеет. – И заверну его в газету! А ты ей что подаришь?

– Коврик для йоги, соткан вручную крестьянкой из Гватемалы, – со скрытым торжеством говорю я. – Вырученные деньги идут на финансирование деревенского хозяйства, к тому же он сделан из пластика от старых компьютеров.

– Бекки! – Мамин взгляд полон обожания. – Где ты откопала такое чудо?

– О... провела масштабный поиск. – Я беззаботно дергаю плечом, не собираясь признаваться, что набрала в Google «зеленый натуральный подарок вторсырье экология чечевица упаковка».

– Лож-ество! Лож-ЕСТВО! – Минни яростно тянет меня за руку, и я пугаюсь, вдруг она оторвет ее.

– Сходи с Минни к Колодцу Желаний, – предлагает мама. – А я постою в очереди.

Пристраиваю своих пони в коляске рядом с маминими пакетами и веду Минни к Колодцу Желаний. Он окружен искусственными серебристыми березками, на ветвях сидят феи, и если бы не истощный детский визг, то все это смотрелось бы волшебным.

Открытки, на которых можно написать желание, лежат на фальшивом пенке. Беру одну открытку и вручаю Минни фломастер.

Боже, я помню, как писала письма Санта-Клаусу в детстве. Они получались длинными и прочувствованными, с рисунками и картинками, вырезанными из каталогов, – на случай, если Санта придет в замешательство.

Две девочки лет десяти опускают свои открытки, хихикая и перешептываясь, и меня охватывает ностальгия. Я обязана участвовать в этом!

«Дорогой Санта-Клаус, – быстро пишу я на открытке. – Это снова Бекки». Останавливаюсь, ненадолго задумываюсь, а затем торопливо корябаю.

У меня всего три желания. Я же не какая-нибудь жадина.

Минни честно покрывает каракулями всю открытку, ее руки и нос уже испачканы фломастером.

– Не сомневаюсь, Санта-Клаус поймет, чего ты хочешь, – нежно говорю я, забирая у нее фломастер. – Давай опустим наши открытки.

Одну за другой я роняю их в колодец. Сверху, кружась, падают маленькие снежинки, из динамика льется мелодия «Зимней страны чудес», и я вдруг чувствую себя так по-рож-

дественски. Не могу удержаться, закрываю глаза, сжимаю ручонку Минни и желаю, чтобы все исполнилось. Никогда не знаешь...

– Бекки? – Низкий голос врывается в мои мысли, и я открываю глаза. Перед нами стоит Люк. Темные волосы и синий пиджак припорошены искусственным снегом, во взгляде удивление. Я слишком поздно понимаю, что, зажмурившись, страстно шептала: «*Пожалуйста... пожалуйста...*»

– Ой! Привет. Я просто...

– Разговаривала с Санта-Клаусом?

– Не смейся меня. – Я слегка нервничаю, но быстро обретаю чувство собственного достоинства. – Кстати говоря, где ты был?

Люк, не отвечая, идет прочь. Оборачивается, манит меня.

– Оставь Минни на минутку с бабушкой. Я хочу тебе кое-что показать.

Я замужем за Люком вот уже три с половиной года, но до сих пор не всегда понимаю, как устроены у него мозги. Мы идем с ним рядом, его губы крепко сжаты, и я почти впадаю в панику. Что все это значит?

– Вот. – Он останавливается в безлюдном углу торгового центра и достает свой «блек-берри».

На экране эсэмэска от его юриста Тони. Одно-единственное слово: «Улажено».

– Улажено? – Какую-то долю секунды я не врубаюсь, а затем до меня доходит.

– Нет! Это «Аркодас»? Это с ними все улажено?

– Ага. – У Люка на губах играет легкая улыбка.

– Но ты никогда не говорил... Я и понятия не имела...

– Не хотел тебя понапрасну обнадеживать. Мы вели переговоры три недели. Для нас это не столь... но это хорошо. Все будет замечательно. Дело в шляпе.

Меня начинает трясти. Все в прошлом. Дело «Аркодаса» висело над нами так долго, что мы с ними будто сроднились. (Далеко не в приятном смысле слова. Ничего себе родственница – злобная старая тетка-ведьма с бородавками на носу, отвратительно кудахтающая.)

Вот уже два года, как Люк вступил в битву с «Аркодасом». Я говорю «битву», но это не значит, что он забрасывал их зажигательными бомбами. Он просто отказался работать на них из принципа: не хотел представлять подонков, дурно обращавшихся с его персоналом. У Люка пиар-компания «Брендон Комьюникейшнс», и большинство служащих работают у него долгие годы. Когда он увидел, как «Аркодас» ведет себя с ними, то жутко рассердился.

Он прекратил вести их дела, и они подали на него в суд за нарушение договора. Еще одно доказательство того, насколько ужасны эти типы. И тогда Люк немедленно подал в суд *на них* — за неуплату за оказанные услуги.

Я – то думала, что судья с первого взгляда поймет, кто тут хороший парень. Он ведь не слепой! Но вместо этого судья устраивал идиотские слушания и постоянно откладывал разбирательство, дело все затягивалось и затягивалось. Юристы, судьи, так называемые «примирители» и вообще правовая система сильно упали в моих глазах. И я бы высказала им все это в лицо, если бы только мне дали слово.

Я буквально *умирала* от желания выступить свидетельницей. Даже держала наготове костюм и все необходимое. (Темно-синяя юбка-карандаш, белая блузка с оборкой, строгие туфли-лодочки.) А еще написала блистательную речь, которую до сих пор помню наизусть. Начинается она так: «Дамы и господа присяжные, я прошу вас заглянуть в ваши сердца. А затем посмотреть на двух мужчин перед вами. Один – благородный, честный герой, ставящий благосостояние своего персонала выше денег... (Тут я указала бы на Люка.) А второй (указательный палец направлен на обманщика Уилера из «Аркодаса») – гнусный сексист,

третирующий всех и вся. В нем столько же порядочности, сколько умения одеваться». Тут бы все расшумелись и разволновались, а судье пришлось бы стучать молотком и кричать: «Соблюдайте порядок!» А я бы пристально и вдумчиво посмотрела на присяжных, как в романах Джона Гришэма, чтобы понять, кто из них на нашей стороне.

Ну да ладно. Мои планы рухнули, поскольку Люк сказал, что никаких присяжных не будет – это не такой суд. И вообще, это гнусное болото, где выкидывают самые грязные штучки, и он будет проклят, если я окажусь втянутой в эти мерзости, и потому я должна остаться дома с Минни. Что я и сделала, хотя чуть не умерла от разочарования.

– Ну вот все и закончилось, – тихо говорит Люк. – Наконец-то.

– Слава богу.

Обнимаю мужа. Глаза у него усталые. Это дело выбило Люка из колеи. Ведь он пытался управлять компанией, судиться, поддерживать мотивацию у работников и находить новые проекты для фирмы – одновременно.

– Итак. – Он вглядывается в мое лицо. – Мы можем двигаться дальше. Во всех смыслах.

Спустя мгновение я понимаю, что он имеет в виду. И у меня перехватывает дыхание.

– Мы можем купить дом!

– Я сразу же позвонил хозяевам, – кивает Люк, – и они пообещали ответить сегодня вечером.

– О господи! – Я слегка подпрыгиваю от возбуждения. Не могу поверить в реальность происходящего. Дело закрыто! Мы сможем наконец съехать от мамы с папой и поселиться в собственном доме!

Мы уже пытались приобрести дом. Четыре раза. Но все сделки сорвались. Либо на самом деле хозяева не хотели продавать свою недвижимость, либо начинали требовать намного больше денег, чем поначалу, либо выяснялось, что дом собственность не продавцов, а их дядюшки из Испании и мы могли оказаться втянутыми в аферу, а четвертый дом просто взял и сгорел. Я стала думать, что нас сглазили, а потом Люк сказал, что, наверное, нужно подождать до тех пор, пока не разрешится ситуация с «Аркодасом».

– Счастливая пятёрка? – Я поднимаю глаза на Люка, он скрещивает пальцы и улыбается.

Этот дом устраивает нас по всем статьям. Он расположен на чудесной Майда-Вейл, там есть сад, а в саду – качели на дереве, а сам дом такой просторный. И совсем рядом с домом родителей! Чувствую, как меня охватывает эйфория. Нужно срочно купить «Дом и мезонин»! И «Elle Deco», и «Дом и сад», и «Обои»...

– Пошли обратно? – Я делаю равнодушное лицо. – А по дороге я загляну в киоск и прихватю несколько журналов...

И еще не забыть «Мир интерьеров» и «25 прекрасных домов».

– Подожди минутку. – Что-то в голосе Люка настораживает меня. И смотрит он почему-то в сторону. И подбородок напряжен. С ним явно не все в порядке.

– Что такое? – тихо спрашиваю я. – Есть еще и плохие новости?

– Нет. Но я хотел кое в чем... признаться тебе. – Он трет шею, взгляд отстраненный, словно он не может заставить себя посмотреть на меня. – Только что случилась очень странная вещь. – Он опять молчит, на этот раз долго. – Я купил книгу для Аннабел. Новый роман Рут Ренделл. Она была бы в восторге.

Наступает тишина. Я не знаю, как реагировать.

– Люк... – осторожно начинаю я.

– Я купил ей чертов рождественский подарок. – Он сжимает кулаками виски. – Я свихнулся?

– Конечно, нет! Ты просто... – Я беспомощно умолкаю, отчаянно пытаюсь вспомнить фрагменты из книги о тяжелых утратах.

Эту книгу я купила из-за еще одного ужасного события, случившегося в этом году. В мае умерла мачеха Люка. Она болела всего месяц, а потом скончалась, и это сильно надломило его.

Пусть Аннабел не была биологической матерью Люка, но именно она оказалась для него подлинной мамой. Она вырастила его и понимала как никто другой. И самое ужасное: он так редко видел ее перед смертью. Даже когда она была серьезно больна, он не мог бросить все и рвануть в Девон, потому что дело «Аркодаса» слушалось в Лондоне.

Но Люк не должен винить себя. Я говорила ему это миллион раз. Он ничего не мог сделать. Бесполезно – Люк продолжает страдать. Его отец теперь в Австралии со своей сестрой, и Люк не имеет возможности проводить время и *с ним*.

Что же касается его родной матери... мы о ней даже не упоминаем.

Никогда.

С Элино у Люка всегда была любовь-ненависть. Это понятно, ведь мать бросила его и мужа, когда Люк был совсем крохой. Но они поддерживали относительно хорошие отношения, пока она все не испортила.

Незадолго до похорон Аннабел Люк отправился к Элино по какому-то семейному делу. До сих пор не знаю точно, что она ему такое сказала. Что-то об Аннабел. Что-то бесчувственное и, возможно, откровенно грубое, насколько могу догадываться. Он не передавал мне ее слов и даже не возвращался к этому случаю, – но я ни разу больше не видела его таким бледным, таким оцепеневшим от ярости. И теперь мы не произносим имени Элино. Вряд ли они вообще помирятся. И меня это вполне устраивает.

Смотрю на Люка, и у меня сжимается сердце. Тяготы этого года плохо сказались на нем. Между бровями залегли две небольшие морщинки, они не исчезают, даже когда он улыбается. Люк никогда не выглядит счастливым на все сто процентов.

Я беру его под руку и крепко прижимаю к себе:

– Пошли к Санта-Клаусу.

Мы идем по торговому центру, и как-то само собой получается, что возвращаемся по другому торговому ряду. На это нет никакой особой причины, правда. Просто здесь магазины поинтереснее. Скажем, художественные ювелирные изделия... и магазинчик с цветами из шелка... и «Enfant Coccotte», где полно вручную сделанных коней-качалок и колыбелек из палисандра.

Шаг мой непроизвольно замедляется. Вы только посмотрите на ярко освещенную витрину, на эти великолепные вещи. Посмотрите на миниатюрные детские комбинезончики, маленькие одеяльца.

Будь у нас еще один ребенок, мы могли бы купить ему все новое. Он бы сладко сопел, такой милый во сне, а Минни помогала бы катить коляску, и мы стали бы настоящей семьей...

Я поднимаю глаза на Люка – вдруг он думает о том же и ответит мне нежным, любящим взглядом? Но он смотрит на «Блэкберри» и хмурится. Вот так. Ну почему он не настроен на мою волну? Мы же вроде как женаты, верно? Ему следует *понимать* меня. Он должен догадываться, отчего я привела его к детскому магазину.

– Чудесный, правда? – Я показываю на заводного плюшевого медвежонка.

– М-м-м-м. – Люк кивает не глядя.

– Ух ты! Только посмотри на эту коляску! – Колеса у нового хитроумного изобретения забавного вида словно сняты с «хаммера». – Классная вещь.

Будь у нас еще один ребенок, мы купили бы и новую коляску. То есть нам бы пришлось это сделать. Старая коляска Минни совсем раздолбана. Только не подумайте, будто я хочу ребенка, чтобы занять прикольную коляску. Глупость какая. Но это окажется своего рода бонусом.

– Люк... Я тут думала... о... нас. Ну... обо всех нас. О нашей семье. В том числе и о Минни. И...

Он подносит телефон к уху:

– Да. Привет.

Боже, ненавижу этот вибровывоз. Ты и не знаешь, что ему кто-то звонит.

– Я тебя догоню, – говорит он мне одними губами и возвращается к своему «Блэк-берри»: – Да, Гэри, я получил твое письмо.

Ладно, похоже, сейчас не самое подходящее время обсуждать покупку коляски для нашего второго ребенка.

Ничего страшного. Я свое наверстаю.

Направляюсь к «Пещере Санты», и тут мне приходит в голову, что можно пропустить очередь, и я пускаюсь бегом.

– Бекки! – Мама машет мне из начала очереди. – Мы следующие! У меня камера наготове... Ох, смотрите!

Эльф с широкой фальшивой улыбкой взбирается на сцену. Сверкает зубами и стучит по микрофону, стараясь привлечь всеобщее внимание.

– Здравствуйте, мальчики и девочки! – выкрикивает грудастый эльф. – А теперь тишина. Скоро Санта начнет снова встречаться с детьми, но сейчас пришло время исполнения Рождественских Желаний! Мы вытянем открытку одного везучего ребенка и преподнесем ему подарок. Это будет плюшевый медвежонок? Или кукольный домик? Или скутер?

Микрофон работает плохо, и эльф в раздражении снова стучит по нему наманикюренным пальцем. Но толпу все равно охватывает возбуждение, люди подаются вперед. Многие достают видеокамеры, дети протискиваются между взрослыми, их лица светятся восторгом ожидания.

– Минни! – волнуется мама. – Что ты пожелала, дорогая? Может, выбор падет на тебя!

– И победителя зовут... Бекки! Поздравляем, Бекки! – Неожиданно усилившийся голос эльфа заставляет меня подпрыгнуть.

Нет. Этого просто не может...

Должно быть, это другая Бекки. Тут, наверное, тьма девочек по имени Бекки...

– И маленькая Бекки пожелала... – Она косится на открытку. – «Лодочки из “Марни”⁴, какие я видела на Съюзи, не те, что на наборных каблуках, а другие».

Проклятье.

– Сколько лет Бекки? – Эльф жизнерадостно скалится. – Бекки, милая, ты здесь? Лодочек у нас нет, но, если хочешь, можешь выбрать другую игрушку с санок Санта-Клауса.

Я в смущении пригибаюсь и втягиваю голову в плечи. Они не говорили, что будут зачитывать эти чертовы рождественские желания *вслух*. Им следовало *предупредить* меня.

– А кто мама Бекки?

– Я здесь! – отзывается моя мамочка, весело помахивая видеокамерой.

– Ш-ш, мамуля! – шиплю я.

– «А еще аквамариновый топ от Зака Позена, с бантиком, десятый размер», – продолжает эльф. Ее голос гремит. Хоть бы микрофон починили. – Кто такой Зак Позен? Гёрой нового мультлика? – Эльф в растерянности поворачивается к коллегам.

Как она может работать в магазине и ничего не знать о Заке Позене?!

– Простите. – Мое лицо горит. – Это... э, я. Я не знала, что вы... Выберите другое желание. Желание ребенка. Пожалуйста. А мое выбросьте.

Но эльф не слышит меня во всеобщем гвалте.

⁴ Интернет-магазин одежды и аксессуаров.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – Она пристально вглядывается в открытку. – И еще здесь написано «братика или сестричку для Минни». Минни твоя кукла, дорогая? Ах, разве это не мило?

– Хватит! – Я в ужасе пробираюсь вперед через толпу детишек. – Это личное! Никто не должен был этого видеть!

– «И кроме того, Санта-Клаус, я хочу, чтобы Люк...»

– Заткнись! Это вас не касается! Это между мной и Санта-Клаусом! – Я добираюсь до эльфики и пытаюсь вырвать у нее открытку.

– Ой! – визжит она.

– Простите, – бормочу я. – Но это я Бекки.

– *Вы* Бекки? – Накрашенные глаза становятся как блюда. Но через пару мгновений на нее снисходит озарение и ее лицо смягчается. – Надеюсь, ваше рождественское желание сбудется, – тихо говорит она, прикрыв микрофон и возвращая мне открытку.

– Спасибо. – Я мешкаю, а затем добавляю: – И вам тоже. Счастливого Рождества!

Поворачиваюсь и собираюсь идти к маме – и вдруг поверх голов встречаюсь взглядом с карими глазами Люка. Он стоит позади толпы.

Мой желудок сводит судорога. Что из всего этого он слышал?

Люк прокладывает путь через толпу, лицо его непроницаемо.

– О, привет! – Стараюсь говорить как ни в чем не бывало. – Вот... они прочитали мое рождественское пожелание. Правда, смешно?

– М-м-м-м-м. – Он ничем себя не выдает.

Повисает неловкое молчание.

Он слышал свое имя, мне это ясно. У жен безошибочное чутье на такие вещи. Он слышал свое имя и теперь гадает, что такое я пожелала в связи с ним.

Если только не размышляет над своими эсэмэсками.

– Мапочка! – Этот пронзительный голосок не спутаешь ни с каким другим, и я забываю о Люке.

– Минни! – Верчу головой и не могу отыскать ее взглядом.

– Это Минни? – Люк тоже встревожен. – Где она?

– Она осталась с мамой... черт. – Хватаю Люка за руку и в ужасе пялюсь на сцену.

Минни восседает на одном из оленей Санта-Клауса, вцепившись в его уши. И как только она умудрилась очутиться там?

– Простите... – Я почти расталкиваю родителей и детей. – Минни, *слезай немедленно!*

– Лошадка! – Минни радостно колотит оленя пятками, и на папье-маше остаются уродливые вмятины.

– Кто-нибудь, пожалуйста, заберите этого ребенка, будьте добры! – молит очумевший эльф в микрофон. – Пусть ее родители срочно подойдут сюда.

– Я отвернулась всего на секундочку! – защищается мама, когда мы с Люком добираемся до нее. – А она как сиганет!

– Так, Минни, – твердо говорит Люк, вспрыгивая на сцену, – вечеринка окончена.

– Кататься! – Минни карабкается на сани. – Мои саночки!

– Это не саночки, и тебе пора убираться отсюда. – Обхватив Минни за талию, Люк тянет ее на себя, но наша крошка уже зацепилась ногами за сиденье и демонстрирует недюжинную силу.

– Давай так, – бормочу я Люку, хватая Минни за плечи, – ты берешь на себя ноги, а я остальное. Мы выудим ее оттуда. На счет «три». Раз... два... три!

О нет. О... дьявол.

Не знаю, что случилось. Не знаю, *что* мы сделали. Но треклятые сани разваливаются прямо на глазах, подарки сыплются на искусственный снег. И не успеваю я глазом морг-

нуть, как море малышни устремляется к ним, а родители громогласно призывают детвору вернуться немедленно – или никакого Рождества не будет.

Конец света.

– Подалок! – вопит Минни, колотя Люка в грудь. – Подалок!

– *Уберите отсюда этого чертова ребенка!* – с ядовитой яростью требует эльф. Ее взгляд мечется от меня к маме и даже к Дженис и Мартину. Те возникли словно ниоткуда, оба в нарядных джемперах с оленями, в руках пакеты с распродажи. – Пусть вся ваша семья немедленно сгинет!

– Но сейчас наша очередь, – смиренно довожу я до сведения эльфов. – Мне очень, очень жаль оленя, и мы заплатим за ущерб...

– Вне всяких сомнений, – вступает в разговор Люк.

– Но моя дочь страстно желает встретиться с Санта-Клаусом...

– Боюсь, у нас есть одно незыблемое правило. – Голос эльфа полон сарказма. – Ребенок, сломавший сани Санты, лишается права на визит к нему. И потому ваша дочь изгоняется из пещеры.

– Изгоняется? – Я впадаю в отчаяние. – Вы хотите сказать...

– На самом деле мы подвергаем изгнанию вас всех. – И она указывает фиолетовым ногтем на выход.

– Да, у вас тут настоящая рождественская обстановка! – язвительно парирует мама. – Мы всего-навсего лояльные покупатели, а ваши санкции – чистой воды халтура, и я намереваюсь пожаловаться в торговую инспекцию.

– Вон! – визжит эльф.

В великом огорчении я берусь за ручку коляски. Мы молча и печально тащимся к выходу и видим папу, на всех парах несущегося к нам. Его седеющие волосы слегка взъерошены.

– Я все пропустил? Ты видела Санта-Клауса, Минни, милая?

– Нет, – цежу я. – Нас выгнали из пещеры.

Папа сникает.

– О, солнышко. О, радость моя, – тяжело вздыхает он. – Опять?

– Э-эх.

– Это уже в который раз? – морщится Дженис.

– В четвертый. – Я смотрю на Минни, она покорно держится за руку Люка. Ну вылитый ангел.

– Что случилось сегодня? – интересуется папа. – Она ведь не укусила Санта-Клауса? Или укусила?

– Нет! – возмущаюсь я. – Конечно, нет!

Тот случай с Сантой из «Хэрродса» был абсолютным недоразумением. А сам Санта – просто тряпкой. У него не было никакой нужды вызывать «скорую».

– Это из-за нас с Люком. Мы сломали сани, когда снимали ее с оленя.

– А-а, – глубокомысленно кивает папа, и все мы угрюмо шествуем к выходу.

– Минни просто ходячая катастрофа, верно? – спустя какое-то время решается сказать Дженис.

– Она маленькая негодница. – Мартин щекочет Минни под подбородком. – Просто сущее наказание!

Наверное, я чересчур впечатлительна. Но все эти «наказания», «негодницы» и «ходячие катастрофы» неожиданно задевают меня за живое.

– Вы ведь не думаете, что Минни избалованная? – внезапно выдаю я. – Только честно!

Дженис прерывисто вдыхает.

– Ну... – начинает она и оглядывается на Мартина, словно ищет у него поддержки. – Я не собиралась говорить, но...

– *Избалованная?* – со смешком обрывает ее мама. – Чепуха! С Минни все в порядке, правда, мое сокровище? Девочка просто неординарная! – Она ласково гладит Минни по головке. – Бекки, милая, ты в ее возрасте была точно такой же. Один к одному.

И я тут же расслабляюсь. Мама умеет найти нужные слова. Перевожу взгляд на Люка и улыбаюсь с облегчением, но, к моему удивлению, он не отвечает на мою улыбку. Такое впечатление, будто его посетила новая тревожная мысль.

– Спасибо, мамочка. – Я с признательностью обнимаю ее. – Ты знаешь, как повесить мне настроение. Вперед, пошли домой!

Уложив Минни, я повеселела. И чувствую себя по-праздничному. Таким и должно быть Рождество. Подогретое вино, пироги и фильм «Белое Рождество» по телевизору. Мы повесили над камином чулок Минни (он из великолепного красного гинема, из магазина Конрана), оставили бокал хереса для Санта-Клауса, а теперь сидим с Люком в спальне и заворачиваем подарки.

Мама с папой поистине великодушны. Они отдали нам весь второй этаж, и мы можем наслаждаться уединением. Единственный маленький недостаток – наш платяной шкаф не слишком велик. Но это не имеет значения, потому что я умыкнула другой шкаф из гостевой комнаты, а туфли расставила на книжных полках на лестничной площадке. (Книги я уложила в коробки. Их все равно никто не читает.)

В папин кабинет я поместила длинную вешалку – на ней висят пальто и вечерние платья, – а несколько шляпных коробок запихала в кладовку. Косметику я держу на обеденном столе, и он просто идеален для этого по размеру. Вполне возможно, у дизайнера была именно такая задумка. Тушь для ресниц прекрасно уместилась в ящике для ножей, щипцы для выпрямления волос прижились на сервировочном столике, а для стопок журналов хватает нескольких стульев.

Кое-какие пустяки я отнесла в гараж, скажем, мои старые сапоги и потрясающий набор винтажных чемоданов – я обнаружила их в антикварном магазине, – а еще тренажер (нашла его на eBay, надо бы начать заниматься). Там теперь тесновато, но папе же гараж нужен вовсе не для машины.

Люк кончает заворачивать пазл, тянется к «Магическому мольберту», затем оглядывает комнату и хмурится:

– Сколько у Минни подарков?

– Как обычно.

Хотя, если честно, я сама нахожусь в некотором изумлении. Я и забыла, сколько всего накупила за год по каталогам и на ремесленных ярмарках и запрятала подальше.

– Это в образовательных целях. (Быстренько отрываю ярлык с ценой от «Магического мольберта».) Он очень дешевый. Выпей еще вина! – Я наполняю бокал Люка и беру шапочку с двумя красными искрящимися помпонами. Прелестнейшая вещь, и у них есть размеры для самых маленьких.

Будь у нас еще ребенок, он мог бы носить такую же шапочку, как и Минни. Их стали бы называть «детшки-помпончики».

Передо мной встает мой собственный обворожительный образ. Я иду по улице с Минни. Она везет игрушечную коляску с куклой, а я – коляску с самым настоящим ребенком. У нее появится друг на всю жизнь. И все будет просто чудесно...

– Бекки? Где скотч? *Бекки?*

Неожиданно я обнаруживаю, что Люк пытался достучаться до меня раза четыре.

– Ой, прости! Вот он. Симпатичная, верно? – Потряхиваю помпонами перед носом Люка. – У них есть такие и для новорожденных.

Делаю многозначительную паузу, слово «новорожденные» повисает в воздухе, и я пытаюсь использовать телепатическую связь между супругами на полную катушку.

– Это дерьмо, а не скотч. Он весь размочаленный. – Люк отбрасывает его в сторону.

Хм. Ничего себе супружеская телепатия. Тут нужна какая-нибудь хитрость. Сьюзи однажды так ловко убедила своего мужа Тарки отправиться в Диснейленд, что он не понимал, куда они едут, пока не очутился в самолете. Заметьте, Тарки – это Тарки (милый, доверчивый, постоянно думающий о Вагнере или об овцах). А Люк – это Люк (он всегда на страже и вечно подозревает, будто я что-то замышляю. А я НЕ ТАКАЯ).

– Какие потрясающие новости об «Аркодасе», – невинно говорю я. – И о доме.

– Да, замечательные. – Люк слегка улыбается.

– Все встает на свои места. Словно кусочки пазла. По крайней мере, *почти* все кусочки. – Я опять выразительно молчу, но Люк не обращает на меня внимания.

Что толку в моих паузах, если их никто не замечает? Я достаточно ходила вокруг да около и явно превысила норму.

– Люк, давай заведем еще ребенка! – иду я напролом. – Сегодня!

Молчание. Долю секунды я сомневаюсь, что Люк меня слышал. Но он поднимает голову, удивленный до глубины души.

– Сбрендилла?

Я смотрю на него, уязвленная.

– Почему это – сбрендилла? Думаю, Минни нужен маленький братик или сестричка. А ты так не считаешь?

– Розочка моя. – Люк садится на пятки. Мы не способны справиться даже с одним ребенком. Так куда нам два? Ты же видела, что она сегодня вытворяла.

И он туда же.

– Ты о чем? Неужели *тоже* думаешь, что Минни избалованная?

– Я этого не говорил, – осторожно отвечает Люк. – Но ты должна признать, что она неконтролируемая.

Нет!

– Взгляни правде в лицо. Ее выгнали из «Пещеры Санта-Клауса», – загибает он пальцы, – и из собора Святого Павла. Не говоря уже о случае в «Харви Николс»⁵ и о фиаско у меня в офисе.

Теперь у него зуб на Минни на всю жизнь? Не нужно вешать на стены дорогие картины, вот что я вам скажу. На работе люди должны работать, а не любоваться искусством днями напролет.

– Она просто очень деятельная, – защищаю я дочь. – Может, второй ребенок пойдет ей на пользу.

– А мы сойдем с ума, – качает головой Люк. – Бекки, не гони лошадей, ладно?

Я чувствую себя подавленной. Не хочу не гнать лошадей. Хочу двух детей в шапочках с помпонами.

– Люк, я все тщательно обдумала. Пусть у Минни будет друг на всю жизнь, пусть она не растет единственным ребенком в семье. И мне хочется, чтобы у наших детей была небольшая разница в возрасте. Кроме того, у меня неиспользованные ваучеры на сто фунтов из «Мира малышей», – вдруг вспоминаю я. – Срок скоро истечет!

– Бекки. – Люк округляет глаза. – Мы не будем рожать второго ребенка из-за каких-то дурацких ваучеров.

⁵ Сеть торговых центров в Великобритании.

– Это не главная причина, – негодую я. – А *дополнительная*.

Да он просто придирается. Увиливает!

– Так что ты хочешь сказать? Что *вообще* не хочешь второго ребенка?

Люк словно готовится к защите. Какое-то время он не отвечает, шуршит оберточной бумагой.

Мое смятение растет. С каких это пор вопрос о втором ребенке является большим?

– Возможно, я и захочу еще одного малыша, – наконец решается он. – В теории. Как-нибудь потом.

Да, в голосе его очень мало воодушевления.

– Ясно. Предельно ясно.

– Бекки, не пойми меня неправильно. То, что у нас есть Минни, это... чудо. Невозможно любить ее больше, чем люблю ее я, сама знаешь.

Он смотрит мне прямо в глаза, и я слишком честна, чтобы не кивнуть в знак согласия.

– Но мы не готовы ко второму ребенку. Сама посуди. Этот год был адски трудным, и у нас пока нет даже собственного дома. С Минни хлопот не оберешься, и проблем полным-полно. Давай отложим. Поговорим через год, идет?

Через... год?

– Но это целая вечность... – Голос у меня дрожит. – А я-то надеялась, что ребенок появится у нас к следующему Рождеству! Я даже придумала прекрасные имена на случай, если забеременею сегодня. Венцеслас или Снежинка.

– Ох, Бекки. – Люк берет меня за руки и вздыхает. – Если бы хоть один день дело не доходило до катаклизмов, возможно, я бы думал иначе.

– Один день? Легко! Минни не такое уж чудовище!

На лице Люка недоверие:

– Неужто был день, когда Минни не устроила настоящий бедлам?

– Ладно, – с легким вызовом говорю я, – завтра же начну Дневник происшествий, и, держу пари, в нем не будет записей. Спорим, с завтрашнего дня Минни станет чудо-девочкой?

И я снова берусь за подарки, с треском отрывая скотч – надо же дать Люку понять, каково мне. Он, наверное, вообще не хотел детей. Наверное, мы с Минни ему в тягость. Наверное, мечтал до смерти остаться холостяком и гонять целыми днями на спортивных машинах. Так я и знала.

– Это все подарки? – в конце концов спрашиваю я, прикрепляя большой бант на последний сверток.

– Ну... у меня есть кое-что еще. – У Люка слегка смущенный вид. – Не смог удержаться.

Он подходит к шкафу, достает неряшливую картонную коробку, ставит на ковер и осторожно вынимает из нее старый кукольный театр. Он сделан из дерева, краска поблекла, но у него настоящий маленький красный бархатный занавес и даже крошечная рампа.

– Вот это да! – У меня перехватывает дыхание. – Это *невероятно*. Откуда он у тебя?

– Обнаружил его на eBay. У меня в детстве был точно такой же. Те же декорации, те же персонажи, все такое же.

Я замороженно смотрю, как Люк тянет за веревочки и занавес с легким скрипом открывается. На сцене декорации ко «Сну в летнюю ночь» с невероятными мельчайшими деталями. Вот интерьер с колоннами, вот молодой лесок с ручьем и покрытыми мхом берегами, а вот густой лес и башенки замка вдаль. Маленькие деревянные персонажи в костюмчиках, у одного из них ослиная голова, и это, должно быть... Пак.

Нет, не Пак. Другой. Оберон?

Ничего страшного, быстро наберу в Google «Сон в летнюю ночь», когда Люк спустится вниз.

– Мы играли в такой театр с Аннабел. Мне было лет... шесть? Я словно переносился в другой мир. Посмотри, здесь все на колесиках. Это очень искусная работа.

Гляжу, как он перемещает персонажей взад-вперед, и чувствую угрызения совести. Я и не думала, что он может признаться в том, что испытывает тоску по детству.

– Только бы Минни ничего не сломала, – мягко говорю я.

– Не сломает. – Люк улыбается. – И на Рождество мы устроим представление с участием папы и дочери.

Я чувствую себя немного виноватой. Беру свои слова обратно. Может, мы с Минни и не в тягость Люку. Просто у него был очень трудный год, вот и все.

Что мне нужно, так это побеседовать с Минни. Необходимо объяснить ей ситуацию. Она начнет вести себя иначе, Люк передумает, и все пойдет, как я задумала.

3

Ладно, Рождество не считается. Это все знают.

Нельзя ожидать от ребенка идеального поведения, когда вокруг суета и повсюду сладости и украшения. И ничего удивительного, что Минни проснулась в три ночи и начала громко всех звать. Она просто хотела, чтобы мы посмотрели на ее чулок. На ее месте так поступил бы каждый.

Пришлось мне выдрать первый лист из Дневника происшествий и порвать его на мелкие кусочки. Все имеют право на фальстарт, правда же?

Делаю глоток кофе и радостно тянусь к коробке конфет. Господи, как же я люблю Рождество! В доме стоит запах жарящейся индейки, музыкальный центр играет гимны, а папа колет орехи у горящего камина. Я вся сияю, оглядывая гостиную: елка сверкает огнями, рядом с ней вертеп, он у нас еще с моего раннего детства (младенец Иисус был утерян много лет назад, но мы заменили его крючком для одежды).

Когда малышка Минни увидела утром свой чулок, то никак не могла поверить, что это ей, и недоверчиво повторяла: «Чулок? Чулок?»

– Бекки, любимая, – зовет мама. Заглядываю в холл и вижу ее у двери в кухню в фартуке с Сантой. – Какие хлопушки достать к обеду? С играми-новинками или с подарками?

– А может, те, что ты принесла с немецкого рынка? – предлагаю я. – С маленькими деревянными игрушками?

– Прекрасная идея! – Мамино лицо светлеет. – Я и забыла о них.

– Да, у меня есть кое-какая работа... – Люк направляется к лестнице, прижав к уху мобильник. – Если бы ты мог взглянуть на договор с Сэндерсоном... Да. Буду в офисе в три. Сначала надо прояснить один небольшой вопрос. Всего хорошего, Гэри.

– Люк! – негодую я, когда он заканчивает разговор. – Рождество ведь!

– Согласен, – кивает Люк. – Но оно уже прошло.

Ну почему он не может проникнуться торжеством момента?

– Нет, не прошло!

– Возможно, но только в мире Блумвудов. Для всех остальных сегодня уже двадцать восьмое декабря, и люди живут обычной жизнью.

Он такой *буквояд*.

– Хорошо, пусть сегодня не календарное Рождество, – оцетиниваюсь я, – но это наше *второе* Рождество. Специальное Рождество для Джесс и Тома. Оно не менее значимо, и ты мог бы хоть немного развеселиться!

Целых два Рождества – это сказка. Так должно быть каждый год. Пусть это станет нашей семейной традицией.

– Любовь моя. Во-первых, это не так уж и важно. Во-вторых, мне нужно сегодня закончить с договором. В-третьих, Том и Джесс даже еще не приехали.

Ночью от Джесс и Тома пришло сообщение, что их рейс из Чили задерживается. С тех пор Дженис является к нам примерно каждые двадцать минут и интересуется, слышно ли от них что-нибудь, спрашивает, не можем ли мы еще раз заглянуть в почту и не поступили ли какие сведения об авиакатастрофах или угонах самолетов.

Она взбудоражена больше обычного, и все мы знаем почему: она отчаянно надеется, что Том с Джесс обручились. Ведь Том написал в последнем письме, что должен что-то сказать ей. Я слышала, как они с мамой на днях разговаривали. И похоже, Дженис спит и видит, как бы устроить еще одну свадьбу. У нее полно идей относительно цветочного оформления, можно будет сфотографироваться под магнолией, и все это «сотрет память о той неблаго-

дарной шлюшке». (Это она о Люси, первой жене Тома. Сушая была гадина, поверьте мне на слово.)

– А с какой это стати Минни получила сегодня утром еще один чулок? – понижает голос Люк. – Чья это идея?

– Это идея... Санта-Клауса. А ты заметил, какая она сегодня примерная?

Минни все утро помогала маме на кухне и вела себя изумительно, если не считать незначительного случая с электрическим миксером, но я не стала ставить Люка в известность о таких пустяках.

– Уверен, она... – начинает Люк, и тут раздается звонок в дверь. – Это не могут быть Джесс с Томом. – Он озадаченно смотрит на часы. – Они все еще в воздухе.

– Это Джесс? – взволнованно кричит из кухни мама. – Где Дженис?

– Это не может быть Джесс! – кричу я в ответ. – Наверное, Сьюзи, ранняя пташка.

Я тороплюсь к входной двери и распахиваю ее, уверенная, что увижу семейство Клиф-Стюартов в полном составе, выглядящее как разворот каталога.

Так и есть! Сьюзи бесподобна в черной овчинной шубке, ее длинные светлые волосы распущены, Таркин верен себе, он в старом полупальто, а трое их детишек – сплошь коленки, круглые глазищи и свитера с орнаментом.

– Сьюзи! – Я крепко обнимаю подругу.

– Бекс! Счастливого Рождества!

– Счастливого Рождества! – лепечет малышка Клемми.

– И счастливого Нового гада! – присоединяется Эрнест, мой крестник, он уже смотрит жердью из высшего общества.

«Счастливого Нового гада» – это старая семейная шутка Клиф-Стюартов, как и «С днем наваждения» вместо «С днем рождения». У них столько таких шуточек, что впору писать шпаргалки. Эрнест неуверенно стреляет глазами в Сьюзи, та одобрительно кивает, и он официально протягивает мне руку, словно мы знакомимся на приеме у посла. Я с самым серьезным видом пожимаю ее, а затем заключаю его в объятия и щекачу, и он заливается хохотом.

– Сьюзи, дорогая! Веселого Рождества! – Мама быстро выходит в холл и крепко обнимает ее. – И Тарки... – Она останавливается на полуслове и с тревогой оглядывается на меня. – Ваша свет... лость...

– Боже, умоляю, миссис Блумвуд. – Щеки у Тарки розовеют. – Называйте меня Таркин.

Дедушка Тарки умер от пневмонии пару месяцев тому назад. И это была настоящая трагедия, но как-никак ему было девяносто шесть. Отец Тарки унаследовал титул графа, а Тарки у нас получается лорд! Он лорд Таркин Клиф-Стюарт, и Сьюзи теперь леди. Это все так по-взрослому и так роскошно, что едва умещается у меня в голове. К тому же у них теперь еще больше сикстиллионов фунтов, и земли, и прочего добра. Их новый дом расположен в Хэмпшире, в получасе езды отсюда. Он называется Летерби-Холл и выглядит точно как дом из «Возвращения в Брайдсхед»⁶, но они живут там не постоянно, у них есть дом еще и в Челси.

Вы бы наверняка решили, что Тарки в таком случае мог позволить себе новый шарф, но он разматывает вытертую и линялую тряпицу – похоже, шарфик связала старая няня двадцать лет тому назад. И вполне вероятно, так оно и есть.

– Тарки, ты получил рождественские подарки? – любопытно я.

Я купила ему пульверизатор с ароматерапевтической водой, который, уверена, придется ему по душе. По крайней мере, Сьюзи он понравится.

– Еще какие! – Он с жаром кивает. – Сьюзи подарила мне меринуса. Такой сюрприз.

⁶ «Возвращение в Брайдсхед» – фильм по одноименному роману Ивлина Во.

Мериноса? О чем это он?

– Мериносовый смокинг! – озаряет меня. – Мериносовые изделия сейчас самое то. Ты должен взглянуть на новую коллекцию Джона Смедли. Сплошной восторг.

– Джон Смедли? – Тарки слегка озадачен. – Это имя мне незнакомо. Он... заводчик?

– Дизайнер шерстяных вещей! Знаешь, можно надевать под этот смокинг водолазку, – воодушевляюсь я. – Выглядеть будешь очень стильно. Он у тебя однобортный?

Тарки в полном ступоре, а Сьюзи издает короткий смешок.

– Бекс, я не дарила ему смокинг. Я подарила ему мериноса. Некастрированного барана мериносовой породы.

Некастрированный баран? Что это за рождественский подарок?

– А, понятно. – Пытаюсь изобразить хотя бы подобие энтузиазма. – Конечно. Некастрированный баран! Э... очень мило.

– Не волнуйся, я преподнесла ему еще и пиджак, – смеется Сьюзи.

– Для поездок на велосипеде, – встревает Тарки. – Он просто супер, дорогая.

И я, умудренная опытом, не верещу: «Вот здорово! На горном велике?» Ведь Тарки подразумевает под велосипедом не то, что обычные люди. И действительно, Сьюзи прокручивает фотографии на своем мобильнике и показывает мне фото Тарки в твидовом пиджаке, восседающего на велосипеде с колесами очень разного размера. У него тьма старинных велосипедов – иногда он даже одалживает их для съемок телекомпаниям и рассказывает им, как на таких чудовищах ездили раньше.

– Дети, пойдемте на кухню, угощу вас соком и печеньем. – Мама берет под крыло Эрнеста, Клементину и Уилфреда, словно наседка. – А где Минни? Минни, солнышко, иди поздоровайся с друзьями!

Минни, шаровая молния, стремительно выкатывается в холл. На ней алое рождественское платье, красная шапочка с помпонами и розовые крылья – она обнаружила их в своем чулке и теперь отказывается снимать.

– Кетчуп! – триумфально вопит она и направляет бутылочку на роскошную шубку Сьюзи.

Мое сердце леденеет.

О нет! О нет, о нет. Как она добралась до кетчупа? Мы всегда ставим его на самую верхнюю полку, с тех пор как...

– Минни, не надо. *Не надо*. – Я пытаюсь выбить кетчуп у нее из руки, но она увертывается. – Минни, отдай его мне, *не смей*...

– Кетчуп! – Красная струя разрезает воздух прежде, чем я успеваю среагировать.

– Не-е-е-е-т!

– Минни!

– Сьюзи!

Это похоже на «Апокалипсис сегодня»; я вижу все словно при замедленной съемке. Сьюзи ловит ртом воздух и отшатывается, Таркин делает рывок вперед и защищает ее своей грудью. По его полупальто расползается огромное пятно.

Я не осмеливаюсь взглянуть на Люка.

– Отдай! – Вырываю кетчуп из руки Минни. – Скверная девчонка! Сьюзи, Тарки, мне так неловко....

– Простите за ужасное поведение нашей дочери, – подхватывает Люк. И делает это излишне многозначительно.

– О, без проблем, – бормочет Сьюзи. – Уверена, у нее это вышло случайно, правда, золотко? – Она ерошит волосы Минни.

– Разумеется, – подает голос Тарки. – Ничего страшного не произошло. Словно я просто... – Он в смущении оглядывает потеки томатного соуса, и я помогаю ему снять пальто.

– Хорошая реакция, Тарки, – добавляю я с восхищением. – Ты был быстрее молнии.
– Пустяки. – У него немного сконфуженный вид. – Любой порядочный парень поступил бы так же.

Все это показывает, насколько Таркин предан Сьюзи. Он рванул вперед без малейших колебаний. Романтично, ничего не скажешь.

Я гадаю, а принял бы Люк удар на себя, если бы кетчупом стреляли в его жену. Спрошу об этом потом. Так, между прочим.

– Люк, – говорит Таркин уже иным тоном, когда они пожимают друг другу руки, – можно мне спросить у тебя совета?

– Конечно. – Люк слегка удивлен. – Пройдем в гостиную?

– Так, я разберусь с пальто... – Это мама, снова появившаяся в холле.

– А Бекс должна показать мне все, что купила на распродажах! – В голосе Сьюзи неподдельное волнение. – То есть... я хочу сказать... э... мы должны поговорить о детях, – поправляется она, поймав мой свирепый взгляд.

Мы устраиваемся на кровати в спальне, и я начинаю развертывать вещи, купленные в День коробочек⁷. Совсем как в старые добрые времена, когда мы со Сьюзи вместе снимали квартиру в Фулхэме.

– *Это* я надена на крестины. – Я вытряхиваю из пакета совершенно новое платье в русском стиле.

– Фантастика! – Сьюзи примеряет кожаный жакет. – Даже лучше, чем на фотке.

Я послала Сьюзи несколько снимков с распродаж, и она высказала мне свое мнение. А она в свою очередь отправляет мне фото, где они с Тарки охотятся на куропаток или на голубей... или что еще они там делают? Сьюзи такая милая, такая верная, совсем как королева, она никогда не жалуется. Но если честно, где бы *вы* предпочли оказаться? На каком-нибудь промерзшем болоте или в «Селфриджз» в дни семидесятипроцентной скидки?

– И... та-да-а-а!

Достаю мою самую главную покупку. Ограниченного выпуска кардиган от Элли Смит со знаменитой пуговицей.

– О боже мой! – вскрикивает Сьюзи, – Где ты его нарыла? Неужели на распродаже?

– Скидка шестьдесят процентов. Всего сто десять фунтов.

– Посмотри на пуговицу. – Сьюзи сладострастно гладит ее.

– Разве не здорово? – Я лучусь счастьем. – Я собираюсь носить его очень часто, он *легко* окупит себя...

Дверь открывается, и входит Люк.

– О, привет. – Инстинктивно, не успев осознать, что делаю, запикиваю один из пакетов под кровать.

Не то чтобы Люк не одобрял покупок. Деньги-то мои, я их заработала и могу тратить как пожелаю. Когда мы с мамой в семь часов утра готовы были атаковать распродажи, Люк просто посмотрел на нас в недоумении, затем взглянул на подарки, все еще покоящиеся под елкой, и съехидничал:

– Вы еще не все купили?

И это доказывает, как мало он понимает. Рождественские подарки и распродажи – две *большие* разницы. Это как... разные группы продуктов.

– Бекс так много сэкономила на распродажах, – поддерживает меня Сьюзи. – Тебе нравится ее кардиган?

Люк смотрит на кардиган. Затем поворачивается и какое-то время изучает меня, потом снова переводит взгляд на кардиган. И хмурится, будто его что-то озадачивает.

⁷ Праздник, отмечаемый в Великобритании и ряде других стран 26 декабря.

– Сколько он стоит?

– Сто десять, – ощетиливаюсь я. – Шестидесятипроцентная скидка. Он дизайнерский, маленькая серия.

– Значит... ты потратила сто десять фунтов на точно такой же кардиган, какой на тебе сейчас?

– *Что?* – Я, потрясенная, оглядываю себя. – Нет, конечно. Ничего похожего.

– Одно и то же!

– Неправда! Как ты можешь так говорить?

Короткая пауза. Мы тарачимся друг на друга, будто хотим спросить: «Моя вторая половина спятила?»

– Они оба кремового цвета. – Люк загибает пальцы. – У них по одной большой пуговице. Оба кардиганы. Двойняшки.

Он ослеп?

– Но пуговицы ведь в разных местах, – пытаюсь разъяснить я. – И потом, покрой совершенно другой. И у этого рукава с раструбом. Между ними нет ничего общего, верно, Сьюзи?

– Абсолютно ничего, – охотно подтверждает Сьюзи.

Судя по выражению лица Люка, он остается при своем мнении. Иногда я дивлюсь тому, как кто-то столь ненаблюдательный смог добиться успеха в жизни.

– И здесь пуговица красная, – спешит на помощь Сьюзи.

– Верно! – Я показываю на огромную пуговицу с фирменными кристаллами Элли Смит. – Она тут – самое главное, эта потрясающая пуговица. Она словно... подпись.

– И ты истратила сто фунтов на пуговицу?

Боже, иногда он просто невыносим.

– Это *вложение капитала*, – холодно поясняю я. – Я только что сказала Сьюзи, что буду носить его постоянно и он полностью окупится.

– Сколько раз ты его наденешь? Два?

Я негодную:

– Разумеется, *не два*. Наверное... – Я раздумываю, стараясь быть предельно реалистичной, – наверное, раз сто. Так что по фунту десять пенсов за раз. Думаю, я могу позволить себе классику дизайна за такую цену.

Люк вроде как фыркает.

– Бекки, когда это ты надевала *что-то* сотню раз? Хорошо, если вообще о нем не забудешь.

Ох-ох-ох.

– Держу пари, сто раз – не предел. – Решительно скидываю с себя кардиган и натягиваю новый. – Видишь? Я уже в нем.

Я ему покажу. Надену кардиган *тысячу* раз.

– Ладно, меня ждет Таркин. – Люк бросает на Сьюзи удивленный взгляд. – Ну и дело вы унаследовали.

– Да, знаю, – соглашается Сьюзи. – У бедного Тарки чуть крыша не поехала, и я сказала: спроси у Люка, *он* разберется.

– Я рад, что тебе пришла в голову такая идея. – Люк ищет в своем шкафу какие-то бумаги. Затем направляется к двери: – Увидимся.

– Это он о чем? – недоумеваю я. – Какое такое дело?

– Шетлендское песочное печенье, – тараторит Сьюзи. – Это выдающийся бизнес, и теперь он принадлежит нам.

Минуточку. Перемотаем пленку назад.

– Вы унаследовали шетлендское песочное печенье? – Я в полном изумлении. – В таких красных жестянках, что можно купить в супермаркетах «Уэйтроуз»?

– Ну да! – ликует Сьюзи. – Оно на самом деле замечательное. Его делают на одной ферме.

Я не нахожу слов. Чем еще теперь владеет Сьюзи? Шоколадным овсяным печеньем «Хобноб»? «Кит-Катом»?

О-о, да это же прикольно! Интересно, сколько печенья она сможет получить бесплатно? Может... ящик в год?

Нет, это смешно. По меньшей мере десять ящиков ежегодно, правильно я говорю?

Показав Сьюзи всю новую одежду, я сбегая вниз по лестнице, готовлю кофе и проверяю, как дела у детей. Возвращаюсь и вижу, что Сьюзи ходит по тесной комнате и, как всегда, изучает мои вещи. В руках у нее пачка старых фотографий, которые я хотела рассовать по альбомам.

– Бекс, поверить не могу, что вы наконец переедете. Кажется, вы обрелись здесь целую вечность.

– Ну да. Целых два года.

– А что сказали мама с папой?

– Они еще не знают. – Оглядываюсь на дверь и понижаю голос: – Я немного беспокоюсь, как они воспримут наш переезд. Думаю, они будут очень скучать.

По правде говоря, мама с папой привыкли, что мы у них под боком. Особенно что Минни под боком. Каждый раз, когда покупка дома срывалась, они, по маминому признанию, втайне радовались этому.

– Боже, конечно. – На лице Сьюзи читается беспокойство. – Наверняка страшно расстроятся. Твоей бедной маме понадобится поддержка. Может, устройшь ее к психотерапевту! – воодушевляется она. – Держу пари, у них должна быть программа «Опустевшее гнездо» или что-то в этом роде.

– Я действительно чувствую себя виноватой, – вздыхаю я. – Но мы не можем остаться здесь навсегда. Мы должны жить собственным домом.

– Разумеется, – поддакивает Сьюзи. – Не волнуйся, твои родители со временем придут в себя. А теперь давай рассказывай, что за дом! Какой он? Что там нужно сделать?

– Да ничего особенного не требуется. Он полностью отделан.

– Восемь спален! – поднимает брови Сьюзи, разглядывая план. – Блеск!

– Да. Это просто здорово! Он гораздо просторнее, чем кажется снаружи. И там все новое. Но мы должны придать ему свою индивидуальность, верно?

– Само собой. – Сьюзи умудренно кивает.

Сьюзи понимает в таких вещах больше, чем Люк, который, кстати говоря, еще в дом даже не наведывался. Я сказала ему об этом, а он возразил:

– Почему мы не можем счастливо жить с той индивидуальностью, которая там уже есть?

– У меня куча планов! – Я горю энтузиазмом. – Скажем, в холле можно пристроить прикольную вешалку для шляп, и пусть с нее свисает сумка от Александра Вонга. Это своего рода визитная карточка. – Шарю в коробке под кроватью, достаю свой набросок и показываю его Сьюзи.

– Класс! – Сьюзи восхищена. – Выглядит потрясающе. А у тебя есть сумка от Александра Вонга?

– Придется купить, – вздыхаю я. – А рядом пусть будет столик-консоль с ювелирными изделиями от Лары Бохинк.

– Обожаю Лару Бохинк! – У Сьюзи не меньше энтузиазма, чем у меня. – У тебя есть ее украшения? Ты никогда мне их не показывала.

– Ну, их тоже надо будет купить. Но это же не для *меня*, понимаешь? – торопливо добавляю я, увидев выражение ее лица. – А для *дома*.

Какое-то мгновение Сьюзи просто смотрит на меня. Тем же самым взглядом, что и тогда, когда я захотела, чтобы мы начали предсказывать будущее по телефону. (Я *до сих пор* считаю это хорошей идеей.)

– Ты хочешь купить сумку и ювелирные изделия для дома? – наконец выдавливает она.

– Почему бы и нет?

– Бекс, так никто не делает.

– А следовало бы! И их дома стали бы выглядеть куда лучше! Но ты не беспокойся, я собираюсь купить и диван. – Кидаю ей стопку журналов с интерьерными. – Вот. Подбери подходящий.

Спустя полчаса кровать завалена журналами, мы разглядываем огромные оранжевые бархатные диваны, и лестничные пролеты со встроенными светильниками, и кухни с полированными гранитными столешницами, и двери из старого дерева. Проблема заключается в том, что я хочу совместить в моем доме *все*. Все одновременно.

– У вас огромный подвал! – Сьюзи снова смотрит на план. – Что там будет?

– Хороший вопрос! Думаю, спортивный зал. Но Люк хочет хранить в нем свое старое скучное вино и устраивать дегустации.

– *Дегустации?* – У Сьюзи вытягивается лицо. – Ой нет, пусть лучше будет спортивный зал. Мы сможем вместе заниматься пилатесом!

– Точно! Это будет здорово! Но Люк держит вино в кладовке и умирает от желания явить его людям.

Этого я в Люке вообще не понимаю. Не понимаю его любви к вину, стоящему тысячи, когда можно купить хорошее пино гриджио за десятку, а остальное потратить на юбку.

– Значит, у вас с Люком общая спальня... – Сьюзи вглядывается в детали плана. – Одна для Минни...

– Одна для одежды.

– Еще одна для туфель?

– Определенно. И одна для косметики.

– О-о! – Сьюзи смотрит на меня с интересом. – Вроде как примерная. А Люк согласен?

– Я назову ее библиотекой, – поясняю я.

– Но остаются еще три спальни. – Сьюзи со значением поднимает брови. – Есть планы... заполнить их?

Видите? Вот почему мне надо было сочетаться браком со Сьюзи. Она-то всегда понимает меня.

– Хотелось бы, – вздыхаю я. – Но ты только подумай: Люк не хочет второго ребенка.

– Правда? – Сьюзи поражена. – Как так?

– Говорит, Минни дикая, мы не справимся с двумя и должны радоваться тому, что имеем. Его не переубедишь. – Мрачно опускаю плечи и листаю статью об антикварных ваннах.

– А ты не можешь... поставить его перед фактом? – наконец произносит Сьюзи. – Скажем, «забудешь» принять таблетку? Он полюбит ребенка, когда тот появится на свет.

Не могу не признаться, что эта идея посещала меня. Но я ее отвергла. Я просто не способна на такое.

– Нет, – качаю я головой. – Не хочу загонять его в ловушку. Хочу, чтобы он *хотел* ребенка.

– Вдруг он изменит свое мнение после крестин. – У Сьюзи загораются глаза. – Знаешь, мы решились на второго, когда крестили Эрни. Он был так трогателен, и мы загоре-

лись желанием подарить ему брата или сестру. Разумеется, дело кончилось двумя детьми, – добавляет она в раздумье. – Но *с тобой* такого не произойдет.

– Может быть. – Я молчу и готовлюсь спросить об очень важном. Наверное, я не должна этого делать, но нужно быть смелой. – Сьюзи... ты можешь честно ответить мне на один вопрос? Очень честно?

– Хорошо, – говорит она немного нерешительно. – Но только не о том, сколько раз в неделю мы занимаемся сексом.

Что? С чего это она? Так, теперь я очень хочу знать, как часто они это делают. Должно быть, никогда. Или они только этим и занимаются. Боже, держу пари, что верно второе. Держу пари, что они с Тарки...

Ладно, проехали.

– Я не о сексе. – Заставляю себя вернуться к теме разговора. – Это... Как ты думаешь, Минни избалованная?

И начинаю дрожать от волнения. Что, если она скажет «да»? Что, если моя лучшая подруга считает Минни монстром? Я буду совершенно уничтожена.

– Нет! – тут же отвечает Сьюзи. – Конечно, Минни *не избалованная*! Она прелесть. Просто немного... активнее других детей. Но это же хорошо! Никто из детей не идеален.

– Твои идеальны, – угрюмо говорю я. – У них нет недостатков.

– Боже, ты шутишь? У нас столько проблем с Эрни. Его учитель то и дело вызывает нас. Он безнадежен по всем предметам кроме немецкого, а они его даже *не учат*.

– О, Сьюзи... – с состраданием говорю я.

Нет нужды спрашивать, почему Эрни так хорошо болтает по-немецки. Таркин считает, что из музыки стоит слушать только Вагнера, и каждый вечер исполняет его детям. Не поймите меня неправильно, Эрни – мой крестник, и я безумно люблю его. Но когда я была у них в последний раз, он решил поведать мне всю историю каких-то там зингеров, бубнил о них несколько часов кряду, и я чуть было не заскучала.

– Я должна пойти и поговорить с директрисой, – печально продолжает Сьюзи. – Что я буду делать, если она попросит забрать его из школы?

Я забываю о собственных неприятностях, обнимаю ее за плечи. Как кто-то смеет огорчать Сьюзи? И вообще, они идиоты? Я видела школу Эрни, когда мы со Сьюзи как-то раз приезжали за ним. Все такое снобистское, сиреневые блейзеры и плата – миллиард за семестр, а завтраки даже не включены. Они, вероятно, слишком заняты, считая доходы, и не замечают подлинных талантов.

– Уверена, все будет хорошо, – твердо говорю я. – А если им не нужен Эрни, то это дрянь, а не школа.

Если бы только я увидела эту директрису, то уж высказала бы ей свое мнение *предельно* откровенно. Ведь я крестная мать Эрни. Может, нужно пойти на школьное собрание и донести до них мои взгляды? Я готова предложить это Сьюзи, но она вдруг хлопает рукой по кровати.

– Я знаю, что делать, Бекс! У меня гениальная идея. Вы должны нанять няню.

– *Няню?* – Я таращусь на нее, пытаюсь собраться с мыслями.

– Кто присматривает за Минни, когда вы на работе? По-прежнему твоя мама?

Я киваю. С тех пор как закончился мой декретный отпуск, я работаю два с половиной дня в неделю в магазине «Облик», я там консультант. Тем временем мама занимается Минни, и это прекрасно, потому что я могу просто оставить завтракающую дочь на кухне, и она едва замечает мой уход.

– Твоя мама водит ее в игровую группу?

Я корчу гримаску:

– Нет, в общем-то.

Мама не в восторге от игровых групп. Она однажды сводила Минни в «Тик-Так» и поцапалась с такой же бабушкой по поводу того, кто лучше сыграл мисс Марпл в телесериале. Больше она туда ни ногой.

– И чем же они занимаются?

– Ну, это зависит... – мямлю я. – Она ее чему только не учит...

Тут я немного привираю. Насколько я знаю, программа у них всегда одна и та же. Они ходят по магазинам, пьют чай в кафе в «Дебен-хэмс»⁸, а затем возвращаются домой и смотрят диснеевские мультики.

Боже, может, Сьюзи права? Может, Минни просто нужно разнообразие? Да, наверное, дело только в этом.

– Няня приведет ее в норму, – доверительно говорит Сьюзи. – Она организует ее питание, купание и вообще все, и Люк увидит, как у вас тихо-спокойно. И тотчас изменит свое мнение. Поверь мне.

Я знала, что у Сьюзи есть ответы на все вопросы. Она нашла выход. Няня!

Я представляю себе нечто среднее между Мэри Поппинс и миссис Даутфайр – она такая домашняя, в фартуке, вечно с ложкой и то и дело изрекает что-то мудрое и простое. В доме будет стоять тишина, витать запах свежей выпечки. Минни превратится в ангелочка в переднике, безмолвно лепящего из теста милые фигурки, и Люк немедленно затащит меня в кровать, и у нас будет бурный секс.

Ради одного этого следует завести няню.

– Все сейчас пользуются услугами «Совершенных нянь». Это последний писк. – Сьюзи уже открыла мой ноутбук и нашла их сайт. – Взгляни. А я сбегаю вниз, посмотрю, как там дети.

Забираю у нее компьютер и начинаю просматривать сайт, озаглавленный *Совершенные няни: воспитание уравновешенных, образованных детей, которые станут в будущем успешными людьми.*

Читаю дальше, и у меня слегка отвисает челюсть. Проклятье. Эти няни не имеют ничего общего с миссис Даутфайр. Они больше похожи на Эль Макферсон⁹. У них идеальные зубы, идеальные фигуры и роскошные улыбки.

Наши современные, обученные няни являются любящими, надежными и образованными, Они возьмут полный контроль над распорядком дня вашего ребенка и приготовят сбалансированную еду. Они будут стимулировать развитие вашего ребенка – физическое, эмоциональное и интеллектуальное. «Совершенные няни» обладают высокой квалификацией в вопросах детского питания, безопасности, культурного обогащения и творческих игр. Многие из них свободно говорят по-французски/по-китайски и/или могут проводить занятия музыкой, математикой по системе Кумона¹⁰, боевыми искусствами или балетом.

Я чувствую себя совершенно отсталой, глядя на улыбающихся девушек с длинными блестящими волосами, готовящих овощное ризотто, играющих в мяч в саду или одетых в дзюдоистские костюмы. Ничего удивительного, что Минни страдает приступами гнева. Это потому, что никто не занимается с ней боевыми искусствами и не учит готовить суши. Я так долго лишала ее всего жизненно необходимого. Неожиданно пирожки с джемом, которые они пекут с мамой, кажутся мне такими жалкими. Мы даже не делаем тесто сами, а покупаем его. Нужно срочно нанять Совершенную Няню!

⁸ Британская сеть универмагов.

⁹ Австралийская топ-модель, актриса и дизайнер.

¹⁰ Тору Кумон – японский математик и просветитель (1914–1995).

Единственное «но» – очень маленькое, – а хочу ли я, чтобы в доме ошивалась девица с шикарными волосами, в обтягивающих джинсах и фартуке для приготовления суши? Что, если она положит глаз на Люка? И он тоже захочет заняться «боевыми искусствами»?

Стоп. Хватит. Я должна вести себя по-взрослому. Нужно думать о пользе для Минни. Нужно помнить, что у меня любящий, верный муж, и когда я считала, что он готов изменить мне с рыжеволосой девицей, чье имя я даже не помню (видишь, Венеция, как мало ты для меня значишь?), то просто понимала все совершенно неправильно.

Кроме того, если няня действительно окажется сексуальной красоткой с роскошными волосами, я могу сделать так, чтобы она никогда не попадалась на глаза Люку. Охваченная решимостью, заполняю форму и отправляю. Решение найдено! Привлечем к воспитанию Минни специалистов. Но надо еще обработать маму. Она не питает симпатии к няням. И к сиделкам. И даже к бебиситтерам. Но это только потому, что она насмотрелась «Подлинных жизненных драм» о злобных невменяемых нянях. Но ведь не каждая же няня – преследуемая ФБР маньячка, выдающая себя за умершую женщину?

Разве она против того, чтобы ее внучка была образованной и уравновешенной? Разве не хочет, чтобы Минни добилась успеха в будущем?

То-то же.

Сьюзи, Люк и Тарки сидят в гостиной. Перед ними пустой кофейник и куча бумаг на столе, в которых они, похоже, совсем увязли.

– Нужно думать о шотландском печенье как о бренде, – вещает Люк. – Вы наткнулись на золотую жилу, но необходимо укрепить имидж товара. Отыщите некую историю, личность, отличительную черту. Определитесь с ценностями бренда. – Люк кипит энтузиазмом, он всегда такой, когда считает новый проект потенциально успешным.

Таркин, напротив, похож на зайца, попавшего в свет фар.

– Точно, – нервно дергается он. – Ценности бренда. М-м... Сьюзи, дорогая, Люк нам очень помог. У меня нет слов.

– Пустяки. – Люк хлопает его по плечу. – Но нужно всерьез заняться делом, Таркин. Собрать эффективную команду выработать стратегию и исходить из имеющегося в наличии.

Я давлюсь смешком. Даже *мне* известно, что Таркин не стратег.

– Я прочитаю эти контракты и сделаю свои замечания. – Люк берет «Блэкберри». – Знаю, ваши люди их одобрили, но, как я уже сказал, можно сделать лучше.

– Но, Люк, – слабо протестует Таркин, – ты и так уделил мне столько времени, приложил столько сил...

– Не смей меня. – Люк коротко улыбается ему и включает телефон.

Худое лицо Таркина пылает. Он бросает на Сьюзи обескураженный взгляд, трет руки, откашливается.

– Люк, у тебя собственная фирма, – неожиданно выпаливает он. – Но я буду счастлив предложить тебе работу. Бизнес-менеджера всех наших активов. И зарплату. На любых условиях.

– *Работу?* – Люк ошарашен.

– Да! – Сьюзи энергично хлопает в ладоши. – Отличная идея! Это будет замечательно. Мы можем предоставить и жилье, – добавляет она. – Небольшой замок в Пертшире¹¹ прекрасно подойдет! Конечно, он не так хорош, как ваш дом в Майда-Вейл, – спохватывается она, – но в качестве второго дома...

– На любых условиях? – медленно произносит Люк.

– Да, – подтверждает Таркин после секундного колебания. – Да, конечно.

¹¹ Регистрационный округ в Центральной Шотландии.

– Согласен на шестьдесят процентов выручки, – внезапно отвечает Люк.

Наступает гробовая тишина. Я не верю своим ушам. Люк всерьез рассматривает возможность оставить «Брендон Комьюникейшнс» и заняться поместьем Клиф-Стюартов?

И мы будем жить в замке?

Боже милостивый. У нас будет клан. Мы займем собственные цвета! Ярро-розовый с серебряным и черным. Это будет называться «тарган Мак-Блумвудов из Брендона», мы будем танцевать шотландские танцы, а Люк станет носить спорран¹²...

– Я... э... – Таркин смотрит на Сьюзи диким взглядом. – Э... Это кажется... разумным...

– Таркин! – взрывается Люк. – *Разумеется*, шестьдесят процентов – чертовски неразумно! Вот почему тебе нужен новый деловой советник, которому ты сможешь доверять, и вот почему я хочу устроить тебе встречу с консультантами. И я пойду к ним с тобой, чтобы удостовериться, что тебе все понятно. – Он жмет на кнопки мобильного, и тот вдруг жужжит, словно разозленная пчела. – Прошу прощения, тут у меня сообщения... – Он смотрит на экран, лицо его делается удивленным, и он печатает что-то в ответ.

– Так и знала, что Люк не согласится, – печалится Сьюзи. – Он не бросит свой бизнес.

– Знаю, – киваю я, и мне немного грустно. В мыслях я уже перебралась в шотландский замок и назвала нашего второго ребенка Морагом.

– Ну, ты должен позволить мне преподнести тебе какой-нибудь пустяк, – говорит Таркин своим аристократическим высокопарным тоном. – Или пригласить на ланч? Или на охоту на уик-энд? Или... или... на лето в наш дом во Франции? Или...

– Черт, – неожиданно тихо бормочет Люк. Похоже, его ошеломили полученные известия.

– Что? – вскидываюсь я. – В чем дело?

Люк поднимает глаза и только тут понимает, что мы все наблюдаем за ним.

– Ничего. – Он выдает спокойную улыбку, и это означает, что он не хочет ничего обсуждать. – Бекки, я должен идти. Боюсь, вернусь поздно.

– Ты не можешь уйти! А как же наше второе Рождество? Как Джесс с Томом?

– Передай им мои наилучшие пожелания.

И он стремительно выходит из комнаты.

– Что случилось? – кричу я вслед. – Пожар?

Вместо ответа, хлопает входная дверь.

– Кто там? – доносится мамин голос. – Кто приехал?

– Никто. Это Люк ушел, – отзываюсь я. – Ему пришлось поехать на работу, там что-то срочное...

– А вот и нет! – Опять слышу стук двери и громкий папин голос: – Джесс! Том! Добро пожаловать!

Джесс приехала? Боже ты мой!

Мчусь в холл, за мной Сьюзи. И вот она, Джесс! Высокая, худая и энергичная, смуглая и с выгоревшими на солнце волосами, в балахоне с капюшоном и линялых черных джинсах.

– Бекки! – Джесс сбрасывает с плеч огромный рюкзак и обнимает меня. – Рада тебя видеть. Мы только что наблюдали, как Люк стремглав вылетел из дома. Привет, Сьюзи!

– Привет, Том!

– А Дженис знает? – Из кухни спешит мама. – Написали эсэмэску?

– Я крикну через забор, – предлагает папа. – Получится куда быстрее.

– Быстрее, чем эсэмэс? – фыркает мама. – Чепуха! Они доходят немедленно, Грэхем. Это называется «высокие технологии».

¹² Часть костюма шотландского горца – меховая сумка, прикрепляемая к поясу спереди.

– Ты считаешь, что способна послать сообщение быстрее, чем я крикну через забор? – с сарказмом вопрошает папа. – Посмотрим. Пока ты вынешь телефон...

– Пока ты обойдешь дом, они получат мою эсэмэску! – Мама уже достала телефон.

– Дженис! – надрывается папа, быстро семеня по подъездной дорожке. – Дженис! Том приехал! Видишь? – с триумфом обращается он к маме. – Старая испытанная связь. Человеческий голос.

– Я и забыл, какие у тебя родители, – весело шепчет Том, и я улыбаюсь в ответ. Он хорошо выглядит. Небритый и похудевший, он словно наконец-то обрел свое истинное лицо. И он жует жвачку, так что с дыханием нет проблем. – Джейн, – добавляет он, – я сейчас пойду домой, и потому нет нужды писать маме...

Мама игнорирует его.

– А ты, Бекки, милая, как считаешь, что быстрее? Сообщения, верно? – Она решительно жмет на кнопки. – Скажи своему отцу: хватит жить в каменном веке.

Но я молчу. Меня слишком занимает левая рука Джесс, которой она расстегивает молнию на балахоне. На ней кольцо! На безымянном пальце! Хотя это и не бриллиант от Картье. Кольцо сделано то ли из кости, то ли из дерева, и в нем маленький серый то ли камешек, то ли хрусталик.

Но все же это кольцо! На том пальце, на котором нужно!

Я ловлю взгляд Сьюзи – она тоже заприметила его. Вот здорово! Еще одна свадьба! Минни может оказаться в роли подружки невесты!

– Что такое? – Мама переводит настороженный взгляд со Сьюзи на меня. – Что вы... Ох! – Она тоже замечает кольцо.

Том исчез, а Джесс склонилась над рюкзаком и не обращает на нас внимания. Мама начинает одними губами выговаривать что-то длинное и сложное. Она повторяет это несколько раз и огорчается нашему непониманию. А затем принимается жестикулировать, и я давлюсь от смеха.

– Пошли в гостиную, – умудряюсь сказать я Джесс. – Ты, должно быть, устала.

– Я заварю чай, – кивает мама.

Конечно же, Джесс обручилась втайне от всех и никому ничего об этом не сказала. Я бы на ее месте тут же побежала и растрезвонила всем: «Знаете что? Посмотрите на мое кольцо с хрусталиком!»

– Джесс! – пронзительно восклицает Дженис, врываясь в дом.

Она прихорошилась: покрасила волосы в ядовитый рыжий цвет, а на веках у нее розовато-лиловые тени в тон туфлям и браслету.

– Дорогая! Добро пожаловать домой!

Ее взгляд моментально падает на кольцо. Моментально. Подбородок у Дженис дергается, она глубоко вздыхает и смотрит на маму.

Я умру со смеху, если останусь с ними. Иду за мамой на кухню, где детей не оторвать от телевизора, смотрят «Русалочку». Мы завариваем чай и делаем им бутерброды с ветчиной, шепчемся о кольце и гадаем, когда Джесс с Томом объявят о помолвке.

– Мы должны вести себя естественно, – взволнованно говорит мама, ставя в морозильник две бутылки шампанского. – Притворимся, что ничего не видели. Пусть сами сообщат, когда сочтут нужным.

Правильно.

Мы входим в гостиную. Джесс сидит на диване, безучастная к тому, что Дженис, Мартин, папа и Сьюзи устроились вокруг нее полукругом и пялятся на ее левую руку, словно та излучает радиоактивность. Я подсаживаюсь к ним, смотрю в окно и вижу в саду Таркина с Эрни. Тарки как-то странно машет руками, а Эрни повторяет его движения. Я толкаю Сьюзи и тихонько шепчу:

– Не знала, что Тарки занимается тайцзи! У него отлично получается!

Сьюзи поворачивается к окну и хихикает:

– Это не тайцзи. Он учит Эрни забрасывать удочку.

Тарки и Эрни совершенно поглощены своим занятием. На них приятно смотреть: словно в документальном фильме о дикой природе папа-медведь учит своего детеныша охотиться. Только они пытаются поймать воображаемую рыбу. Несуществующими удочками.

– Знаешь, Эрни уже выловил форель в нашей реке! – хвастает Сьюзи. – Ему потребовалась лишь очень небольшая помощь.

Вот видите, я же *знала*, что он талантливый. Просто школа неправильная. Он должен ходить в рыболовную школу.

– Ну! – сияет мама. – Будем пить чай?

– Да, спасибо, – кивает Джесс.

Мы разливаем чай, и повисает небольшая пауза. Пауза типа «Кто-то собирается сделать заявление?». Но Том с Джесс молчат.

Дженис подносит чашку ко рту, затем ставит ее, затем неровно выдыхает, словно не в силах вынести напряжение. Затем ее лицо проясняется.

– Подарок! Джесс, у меня для тебя кое-что есть... – Она чуть ли не галопом несется к елке, хватая свертки и сама начинает разворачивать. – Домашний медовый крем для рук. – Дженис перестает дышать. – Я говорила тебе, что начала делать косметику? Все ингредиенты натуральные... Попробуй, намажь немного!

Дженис протягивает крем Джесс. Мы все зачарованно смотрим, как та снимает кольцо, мажет руки кремом, затем надевает кольцо, и все это не произнося ни слова.

«Хорошая попытка, Дженис, – готова сказать я. – Умный шаг».

– Отличный крем. – Джесс нюхает руку. – Спасибо, Дженис. Молодец, что сделала его сама.

– Мы все приготовили тебе экологичные подарки, моя радость, – ласково говорит мама. – Мы знаем, что тебе надо, знаем твою любовь к натуральным красителям и естественным волокнам. Ты на многое открыла нам глаза, правда, Бекки?

– Я рада. – Джесс отпивает чай. – Просто удивительно, до чего западные потребители бестолковы.

– Знаю, – с сожалением качаю я головой, – они понятия не имеют...

– Западают на любой предмет, который подается как «зеленый», – возмущается Джесс. – Появилась одна мерзкая безответственная компания, продающая коврики для йоги, сделанные из токсичных переработанных деталей компьютеров. И пытаются выдать их за «повторно используемые». Дети из Гватемалы зарабатывают астму, делая их. – Она со злостью хлопает ладонью по дивану. – И какой дурак купит такой коврик?

– Бог ты мой. – С усилием сглатываю, не осмеливаясь взглянуть на маму. – Они, должно быть, полные идиоты. Я разложу подарки поровнее... – Стараясь казаться безмятежной, иду к елке и ногой запихиваю гватемальский коврик для йоги за занавески. Никогда больше не поверю чертову «зеленому» каталогу. Они заявляют, что *помогают* людям, а те на самом деле заболевают астмой. И что я теперь подарю Джесс?

– Мой подарок еще не доставили. – Я возвращаюсь на свое место. – Это... э... картошка. Огромный мешок. Я знаю, как ты ее любишь. А мешок можно потом использовать как естественную упаковку.

– О... – Джесс слегка поражена. – Спасибо, Бекки. А как идет подготовка к крестинам?

– Превосходно, спасибо. – Я с облегчением подхватываю новую тему: – Они пройдут в русском духе. Мы будем есть блины с икрой и пить водку из стопок, а для Минни я приготовила расчудесное платье...

– Вы придумали ей второе имя? – встревает мама. – Преподобный Паркер звонил вчера и спрашивал. Вы должны прийти к какому-то решению, солнышко.

– Придем! – защищаюсь я. – Но это так трудно!

Мы не подобрали для Минни второе имя, когда регистрировали ее. Люк неразумно уперся по поводу Диор. И Темперли. А я ни в жизнь не соглашусь на Гертруду, пусть даже это шекспировское имя. Поэтому мы просто записали ее как Минни Брендон и решили, что второе имя подождет до крестин. Но чем дальше, тем труднее придумать его. Люк хохочет, когда читает мои предложения, и говорит: «И вообще, зачем ей второе имя?» И у меня опускаются руки.

– У вас есть новости. Том? – выпаливает вдруг в отчаянии Дженис. – Что у вас слышно? Есть о чем рассказать? О чем-то важном, неважном... хоть о чем-то? – Она подается вперед на стуле и становится похожа на тюленя, готового схватить рыбу.

– Вообще-то есть. – Том еле заметно улыбается. И они с Джесс впервые обмениваются взглядами типа «Расскажем им?».

О господи.

Значит, это правда. Они помолвлены, и скоро свадьба!

Мама с Дженис застыли на диване; Дженис того и гляди лопнет. Сьюзи подмигивает мне, и я отвечаю ей радостной улыбкой. Можно бежать за журналом «Невесты», я помогу Джесс выбрать свадебное платье, и на ней *не будет* унылого наряда из пеньки, даже если он «зеленее»...

– Мы с Джесс рады сообщить... – Том обводит нас счастливым взглядом, – что мы поженились.

4

Все еще в шоке. То есть здорово, конечно, что Том с Джесс поженились. Поистине сказочно. Просто мы словно споткнулись на ровном месте.

Неужели нужно было делать это в Чили в какой-то маленькой конторе, всего с двумя свидетелями, и даже не дать нам возможности посмотреть по скайпу? Мы могли бы устроить настоящий праздник. Произносить тосты. А Джесс сказала, что у них даже не было шампанского. Они пили какое-то местное пиво.

Пиво.

Кое в чем я не пойму Джесс никогда. Ни свадебного платья. Ни цветов. Ни альбома с фотографиями. Ни шампанского. Один жених только и был.

Конечно, без жениха не обойтись. Спору нет. Но как же без новой пары *туфель*?!

И бедная Дженис! Когда они объявили новость, она покраснела, потом побледнела. Изо всех сил она старалась выглядеть счастливой и довольной, словно всю жизнь мечтала о свадьбе сына в каком-то медвежьем углу, на которую ее даже не пригласили. Ее выдавали только слезы в глазах. Слезы стали заметнее после того, как Джесс отказалась от приема в гольф-клубе, списка подарков в «Джон Льюис» и от позирования перед фотокамерой во взятом напрокат свадебном платье в саду с Дженис и Мартином.

Дженис выглядела такой несчастной, что я чуть было не вызвалась проделать все это вместо Джесс. Это было бы забавно, и я на днях видела потрясающее свадебное платье в витрине «Либерти»...

Ладно. Шучу.

Надеюсь, Дженис сегодня пободрее. Как-никак праздник.

Я приглаживаю платье и кручусь перед зеркалом. Платье у меня изумительное, голубое, обшито искусственным мехом, еще на мне длинные сапоги с пуговицами и муфта. Сверху накину длинное пальто, окантованное тесьмой в виде косы, и надену большую шляпу, опять же из искусственного меха.

Минни сидит на моей кровати и примеряет мои шляпы – это ее любимое занятие. Она тоже в отороченном мехом платьице и в белых сапожках – в них она напоминает фигуристку. Я так прониклась русской темой, что в шутку предлагаю в качестве второго имени Каренина.

Минни Каренина Брендон.

– Вперед, Каренина! – пробую я. – Пора идти креститься! Сними шляпу.

– Моя шляпа! – Каренина вцепилась в красную шляпу с большим пером от Филипа Триси. – *Моя!*

Она такая миленькая, и мне не хочется отбирать у нее шляпу. К тому же я могу сломать перо. И потом, почему бы ей не быть в шляпе?

– Хорошо, солнышко, – сдаюсь я. – Можешь оставаться в шляпе. Пошли. – Я протягиваю ей руку.

– Моя. – Она в мгновение ока хватается сумочку от Баленсиаги, лежащую на кровати. – *Моя. Мо-о-о-о-о-я.*

– Минни, это мамина сумка, – увещаю дочку я. – У тебя есть своя. Давай поищем ее.

– *Мо-о-о-о-о-о-о-я!* *Мо-о-о-о-о-о-о-я* сумка! – сердито кричит Минни, вцепившись в нее так крепко, словно это последний спасательный пояс на тонущем в океане корабле и она не уступит его никому.

– Минни... – вздыхаю я.

Справедливости ради надо сказать, Минни можно понять. Сумочка от Баленсиаги куда интереснее, чем ее детская. На ее месте я бы тоже *предпочла* мою сумочку, особенно в день крестин.

– Ну ладно. Ты возьмешь эту сумку, а я сумку от Миу-Миу. Но только сегодня. А теперь дай-ка сюда солнечные очки...

– Мо-о-о-о-о-о-и! Мо-о-о-о-о-о-и!

Она сжимает в руке винтажные очки семидесятых, которые умудрилась стащить со столика. Они в форме розовых сердечек и на носу у нее не держатся.

– Минни, нельзя идти на крещение в темных очках. Не будь глупышкой! – Я стараюсь говорить сурово.

Хотя надо признать: она такая прехорошенькая в этой шляпе, в розовых очках и с сумочкой от Баленсиаги.

– Будь по-твоему – наконец уступаю я. – Только не разбей.

Мы стоим в русских нарядах перед зеркалом, и меня переполняет законное чувство гордости. Минни смотрится великолепно. Может, Съюзи права? Может, сегодня Люк изменит свое мнение? Увидит, как она очаровательна, смягчится и захочет целый выводок детей – штук десять.

Впрочем, нет. Я не согласна рожать десять раз. Даже два раза нелегко, и во второй раз я смогу пройти через такое, только сосредоточившись на шапочках с помпонами.

Кстати, о Люке, где он? Утром ускакал в офис, но обещал быть к одиннадцати. А уже одиннадцатый час. Отбиваю эсэмэску:

Как дела? Надеюсь, ты на пути домой?

Сую телефон в сумочку, беру Минни за руку и широко улыбаюсь ей:

– Пошли. Сегодня твой день.

Мы спускаемся по лестнице, и я слышу суету поставщиков, а папа мурлычет себе под нос, завязывая галстук. Холл украшен цветами, на столе стоят бокалы.

– Позвоню тебе из церкви... – говорит кому-то по телефону мама, выходя из кухни.

– Ой, привет, мамочка! – Я не могу сдержать удивления. На ней кимоно, привезенное ей Дженис из Токио, волосы собраны в узел, а на ногах маленькие шелковые шлепанцы. – Почему ты в таком наряде? Разве не пора переодеться?

– А я так пойду, родная. – Она застенчиво поглаживает кимоно. – Его привезла мне Дженис, помнишь? Чистый шелк. Отличное качество.

И как только я не полетела с лестницы?

– Оно прелестное. Но японское. А у нас сегодня русский стиль.

– О. – Мама почему-то оглядывается, будто ее что-то отвлекло. – Не думаю, что это так уж важно...

– Важно!

– Дорогая, – морщится мама, – сама знаешь, от меха у меня раздражение на коже. И я так мечтала надеть это кимоно. А у Дженис такое изысканное японское свадебное пальто, ты будешь в восторге...

– Хочешь сказать, Дженис тоже явится в японском?!

Я должна была предвидеть, как все обернется. Мама под села на японскую тему после того, как Дженис вернулась из Токио и стала устраивать суши-вечеринки с бриджем. Но сегодня ведь я тут главная, а я объявила, что все будет в русском стиле.

– Прошу прощения! – В холл вливается жизнерадостная особа, в руках у нее серебряный поднос, уставленный тарелками. – Куда поставить азиатские закуски?

Какие закуски?!

– Прошу прощения! – Сверлю особу свирепым взглядом. – Я заказывала русскую еду! Икру, копченую лососину, пирожки, водку...

– Ну да, а еще суши и сашими. – Особа встревоженно косится на маму. – Разве не так?
И сакэ.

– Все верно, – торопливо говорит мама. – Несите все на кухню. Спасибо, Норин.

Я скрещиваю руки на груди и пристально смотрю на маму:

– Кто заказал суши?

– Я кое-что добавила в меню, – бормочет она. – Для разнообразия.

– У нас сегодня *русская* тема!

От злости я чуть ногами не топаю. Что толку ломать голову, стараться, если все твои наработки игнорируют, да еще тебе ни слова не говорят об изменениях?!

– У нас могут быть две темы! – с воодушевлением предлагает мама.

– Нет!

– Сочетание русского и японского! Да-да! В наши дни все знаменитости предпочитают фьюжн.

– Но... – Я умолкаю.

Русско-японское сочетание. На самом-то деле, занятно... И почему я до этого не додумалась?

– Ты можешь воткнуть в волосы японские палочки для еды. Будет так мило!

– Ладно, – нехотя соглашаюсь я. – Деваться все равно некуда.

Достаю телефон и отправляю эсмэску Сьюзи и Дэнни:

Привет. Новая тема – русско-японский фьюжн. Позвоню! Целую.

Тут же приходит ответ от Сьюзи:

Японский?? И что мне делать???

Настукиваю:

Может, воткнешь в волосы палочки для еды?

Мама уже принесла лакированные черные палочки и тычет ими мне в голову.

– Без заколок не обойтись! – выносит она вердикт. – А как насчет Люка?

– Он не станет втыкать в волосы палочки для еды.

– Да нет, глупенькая! – смеется мама. – Я спрашиваю, он уже здесь?

Мы не сговариваясь смотрим на часы. Люк раз шестьсот поклялся, что не опоздает на крестины.

И он не опоздает. Не должен.

Бог его знает, что у него за жуткий кризис на работе. Люк ничего мне не рассказывает, но последние два дня он почти не бывает дома, а наши телефонные беседы длятся не дольше трех секунд.

Отправляю ему очередное сообщение:

Ты едешь?! Где ты?!!!!

Почти тут же получаю ответ:

Стараюсь изо всех сил.

Старается? И что это означает? Он едет или еще торчит в офисе? Мне не по себе. Люк не вправе опоздать на крестины собственной единственной дочери.

Появляется папа:

– Где Люк? Еще не вернулся?

– Нет.

– Времени у него в обрез.

– Он будет с минуты на минуту. – Вымучиваю безмятежную улыбку. – Торопиться совершенно некуда.

Но Люка все нет и нет. Поставщики уже закончили работу. Все готово. Без двадцати двенадцать я стою с Минни в холле и не отрываю взгляда от подъездной дорожки. Я писала Люку каждые пять минут, но потом бросила это занятие. У меня кружится голова. Где мой муж?!

Сзади неслышно подкрадывается мама:

– Солнышко, нам пора. Гости уже собираются в церкви.

– Но... – Я поворачиваюсь и вижу, что мама сама не своя от беспокойства. Она права.

Мы не можем так обойтись с гостями. – Хорошо. Пошли.

У машины набираю новое сообщение, хотя перед глазами все плывет от слез.

Люк, мы едем в церковь. Ты можешь пропустить крестины.

Устраиваю Минни в детском сиденье и сажусь рядом с ней.

– Уверен, у него уважительная причина, – говорит папа, сворачивая с подъездной дорожки.

Мы с мамой молчим, страшась предположить, что это за причина.

– Что опять случилось, родная? – решается спросить мама. – Новый кризис?

– Наверное. – Я смотрю в окно. – Что-то очень серьезное. Больше я ничего не знаю.

Мой телефон неожиданно подает признаки жизни.

Бекки, так жаль. Не могу объяснить. Все еще в офисе. Возьмем вертолет. Ждите меня. Л

Я с недоверием пялюсь на экранчик. Вертолет? Он прилетит на *вертолете*?

И неожиданно я взбадриваюсь. Хочу сообщить маме и папе про вертолет, но телефон снова плачет.

Может, еще задержусь. По уши в дерьме.

Меня окатывает волной разочарования.

Какое дерьмо? Какие уши?!!

Но ответа нет. Ох, до чего же он невыносим. Вечно что-то скрывает. Наверное, просто какой-то мерзкий инвестиционный фонд заработал на пару миллионов фунтов меньше, чем ожидалось.

Церковь уже полна гостей, и я верчу головой по сторонам, приветствуя маминых партнеров по бриджу. Что вы думаете, половина из них явились в японских нарядах. Нет, я все-таки устраю маме сладкую жизнь! Слышу свой голос, раз пятьдесят повторяющий: «На самом деле у нас сегодня японско-русская тема» и «Люк летит сюда на вертолете». Затем мама выводит за руку Минни, и все дружно принимаются ворковать.

– Бекс!

Я оборачиваюсь.

Это Сьюзи, она выглядит чудесно в фиолетовом с вышивкой пальто и отороченных мехом сапогах, в волосах у нее пара деревянных мешалок для кофе из «Старбакса».

– Это все, что я смогла найти, – сердито говорит она. – Ты сказала – русский стиль! Откуда вдруг взялись японцы?

– Это все мама! – Хочу рассказать, как было дело, но тут появляется преподобный Паркер, такой нарядный в своей шелестящей белой хламиде.

– Ой, здравствуйте! – радуюсь я. – Как поживаете?

Отец Паркер не из этих нудных святош, что заставляют тебя терзаться чувством вины по любому поводу. Нет, он викарий типа «почему-бы-нам-не-выпить-джина-с-тони-ком-перед-ланчем». Жена его работает, а сам он всегда загорелый и раскатывает на «ягуаре».

– Прекрасно. – Он тепло пожимает мне руку. – Рад вас видеть, Ребекка. И хочу сказать, ваша японская тема очаровательна. Я обожаю суши.

– Вообще-то у нас японско-русский микс, – поправляю его я. – Будут блины и водка из стопок.

– А, в самом деле! – сияет он. – Как я понимаю, Люк задерживается.

– Он будет с минуты на минуту. – Я скрещиваю пальцы за спиной. – Вот-вот приедет.

– Хорошо. Потому что меня слегка поджимает время. Вы определились со вторым именем? Не могли бы вы написать его для меня?

О господи.

– Почти. Я почти...

– Ребекка, ну куда это годится? – В голосе викария нетерпение. – Я не могу крестить вашу дочь, не зная ее имени.

Ну вот, опять на меня давят. Я думала, викариям положено быть *понимающими*.

– Я окончательно решу этот вопрос, когда буду молиться, – спешу оправдаться я. – Хочу, чтобы меня вдохновила Книга. – Хватаю Библию, лежащую на соседнем столике. – Может, я решу назвать ее Евой. Или Марией.

Проблема в том, что викарий знает меня с пеленок. Он скептически приподнимает брови и спрашивает:

– А крестные родители здесь? Надеюсь, они достойные люди.

– Конечно! Вот крестная мать. – Я выталкиваю Сьюзи вперед, она обменивается с Паркером рукопожатием и принимается нахваливать церковные витражи.

Сьюзи бесподобна. Она всегда знает, что кому сказать. Вот и сейчас очень кстати завела речь о витражах. И где только она всего набралась? Должно быть, в своем пансионе благородных девиц. Если честно, витражи меня не слишком интересуют, поэтому я листаю Библию.

О-о... Далила. Клевое имя.

– Вот черт! Бекки!

Мне не послышалось? Действительно знакомый американский акцент?

Позади образуется небольшая суматоха, кто-то восклицает:

– Кто, ради всего святого, этот человек?

– Дэнни! – радостно кричу я. – Ты здесь!

Я не виделась с Дэнни очень давно. Он кажется еще subtilнее прежнего, на нем кожаное пальто в казачьем стиле, черные виниловые брюки в обтяжку и армейские ботинки. А рядом крошечная белая собачка на поводке. Тянусь обнять Дэнни, но он поднимает руку, будто должен сделать важное заявление.

– Что у вас тут за тема? – Он настроен скептически. – Японско-русский чертов *фьюжн*? Ты откуда, блин, черпаешь вдохновение? Вот пришлось фочно завести эту шапку Чертову ши-тцу.

– Круто. – Тут я вспоминаю о викарии. – Э... преподобный Паркер... Это Дэнни Ковитц. Крестный отец.

– Ага, мать твою! – Дэнни затыкает себе рот кулаком. – Прошу прощения. Э-э... чудесная церковь. Бодренький такой декор. Вам кто-то помогал подобрать цвета?

– Вы очень добры, – сухо улыбается викарий. – Но не могли бы вы выразаться менее витиевато во время службы?

– Дэнни знаменитый дизайнер одежды, – поясняю я.

– Да ла-адно! – Дэнни напускает на себя показную скромность. – Не знаменитый. Скорее... известный. *Печально известный*. А где Люк? – Он понижает голос: – Он мне нужен. Мне каждый день названивает Джарек. Угрожает, типа, в суд подать. – В голосе Дэнни тревога, и он машинально начинает говорить громче: – Ты же знаешь, я не иду на конфронтации.

Джарек – бывший менеджер Дэнни. Мы встретились с ним в прошлом году и скоро поняли, что он забирал себе солидную часть денег Дэнни и не делал совершенно ничего, только носил одежду от Дэнни забесплатно и обедал за счет фирмы. Именно Люк организовал его увольнение и вдобавок прочитал Дэнни лекцию о том, что нельзя давать человеку работу только потому, что тебе нравится его стрижка.

– Я думала, ты поменял все телефонные номера, – удивляюсь я. – Думала, ты больше не собираешься разговаривать с ним.

– Я и не разговаривал, – ошетинивается Дэнни. – Поначалу. Но у него были билеты на тот фестиваль на Бали, и мы туда рванули, ну он и узнал мой новый номер...

– Дэнни! Ты ездил с ним на фестиваль? После того, как уволил его?

– О'кей. Черт со мной. Где Люк? – Он горестно оглядывает церковь. – Люк ведь поговорит с ним?

– Я не знаю, где Люк, – жалобно шепчу я. – Надеюсь, в вертолете.

– В вертолете? – Дэнни приподнимает бровь. – Однако. Он что, спустится на веревке, как морпех?

– Не говори глупостей!

Хотя если подумать, то Дэнни, может, и прав. Где тут приземлится вертолету?

Достаю телефон.

Ты в вертолете? Где приземлитесь? На крыше?

– Боже ты мой. А вот и его светлость! – Дэнни отвлекает появление Таркина. – Ах, держите! Моя промежность!

– Дэнни! – Я бью его по руке и оглядываюсь на викария, но тот, к счастью, уже отошел. – Мы же в *церкви*.

Дэнни всегда немного западал на Таркина. И справедливости ради надо заметить, что Таркин сегодня необычайно хорош. На нем просторная белая рубаша и черные бриджи, а поверх – пальто, напоминающее шинель. Темные волосы растрепаны, и Таркин выглядит почти стильно.

– Вот моя следующая коллекция, и ходить далеко не надо. – Дэнни делает набросок Таркина прямо в Библии. – Помесь английского лорда с русским князем.

– Тарки шотландец, – уточняю я.

– Еще круче. Килт – это так секси.

– Дэнни, – хихикаю я, увидев набросок. – Это ужасно!

Портрет Таркина вышел страшно неприличным. Хотя я слышала как-то от мамы Сью, что все Клиф-Стюарты хорошо оснащены. Может, рисунок и недалек от истины...

– И где моя крестница?

Дэнни вырывает страницу, складывает ее и снова начинает рисовать.

– Где-то с мамой...

Озираюсь и обнаруживаю Минни в окружении маминых подруг. Что она там вытворяет? У нее в руках не меньше пяти сумочек, а шестую она стягивает с плеча пожилой леди, выводя знакомое «Мо-о-о-о-я!».

– Какая прелесть! – заливается смехом леди. – Вот, держи, сладенькая моя. – Она набрасывает ремешок Минни на шею, и та нетвердой походкой бредет прочь.

– Хорошая Баленсиага, – комментирует Дэнни. – Идеальный аксессуар для крестин.

Я киваю:

– Поэтому я ей и одолжила.

– А сама позоришься с прошлогодней Миу Миу... – Дэнни мелодраматично вздыхает. – Лучшее доказательство материнской жертвенности.

– Заткнись! – толкаю его я.

Наблюдаю, как он черкает карандашом на страницах Библии, и меня вдруг осеняет. Если Дэнни действительно собирается за основу новой коллекции взять образ Тарки, то, может, они объединят силы? И на пару займутся шотландским печеньем! Ха, все-таки я очень деловая женщина! Люк наверняка будет потрясен. Я уже собираюсь поделиться грандиозной идеей со Сьюзи, как раздастся гулкий голос викария Паркера:

– Предлагаю всем сесть. – Он указывает на церковные скамьи. – И мы начнем.

Начнем? Уже?!

Когда викарий с шелестом следует мимо меня, я тяну его за белое одеяние:

– Но Люка еще нет. Не могли бы вы немного подождать?

– Дорогая, мы и так задержались на двадцать минут. – Улыбка викария чуть-чуть подмороженная. – Если ваш муж не собирается...

– Конечно, собирается. – Я немного уязвлена. – Он на пути сюда. Он будет здесь...

– Мо-о-о-о-о-о-е! – Высокий ликующий визг наполняет воздух, я каменею, сердце ухает в пятки.

Минни перебралась через заграждение, стоит прямо у алтаря и методично вытряхивает содержимое сумочек. Сзади раздаются негодующие крики маминых подруг.

– Минни! – ору я, кидаясь к алтарю. – ПРЕКРАТИ!

– Мо-о-о-о-о-о-е! – Дочь весело трясет сумочку от «Барберри». Весь алтарь усеян кошельками, монетами, пудреницами, тубиками помады и расческами.

– Это твои крестины! – яростно шепчу я Минни на ухо. – Ты должна вести себя *идеально*. Или у тебя никогда не будет братика или сестрички!

Но Минни и не думает раскаиваться, даже когда мамы подружки кидаются спасать свое имущество.

Сказать по правде, у происшествия есть и хорошая сторона – процедура крещения откладывается. Но скоро викарий опять велит всем садиться. Ладно, думаю я, все как-нибудь обойдется. Сначала будет молитва, проповедь, так что времени еще полно.

Так. Надо написать жалобу архиепископу Кентерберийскому. Процедура крещения недопустимо коротка.

Уже прочитаны две молитвы, сказано об отречении от зла, спет гимн, два сборника с псалмами изничтожены Минни. (Другого способа утихомирить ее я не нашла. Не страшно, сделаю церкви огромное пожертвование.) И вот викарий уже просит собраться вокруг купели. Меня охватывает паника.

Нет, еще не время резвиться в святой воде! Не допущу, чтобы Люк пропустил этот великий момент.

Но Люк пропал бесповоротно. Может, отключил телефон, чтобы тот не мешал управлению вертолетом? Напряженно прислушиваюсь, не раздастся ли характерный стрекот.

– Минни? – улыбается викарий Паркер. – Ты готова?

– Подождите! – в отчаянии кричу я, когда публика встает. – Прежде чем начать крещение... э... крестная мать Минни, Сюзан Клиф-Стюарт, желает прочитать подходящее к случаю стихотворение. Правда, Сьюзи?

– Что?! – чуть ли не взвизгивает Сьюзи.

– Пожалуйста, Сьюзи! – переполошенно шепчу я. – Нужно потянуть время. Люк успеет.

– Да не знаю я никаких стихотворений!

– Прочитай какой-нибудь из гимнов! Самый длинный!
Сьюзи обреченно встает, медленно берет сборник гимнов, выходит вперед и улыбается аудитории.

– Мне бы хотелось прочитать... «Три волхва». – Она открывает книгу, откашливается. – «Вот волхвы идут с Востока, и при них дары...»

Сьюзи просто звезда. Она тянет каждое слово, вставляет бесконечные паузы и по два раза повторяет припев.

– Очень мило. – Викарий подавляет зевок. – А теперь давайте соберемся вокруг купели...

– Нет! – снова подсказываю я. – А теперь крестный отец Минни, Дэнни Ковитц... – Я вопросительно смотрю на него. – Он тоже... прочитает стихотворение?

Дэнни подмигивает мне и встает.

– В честь крещения моей крестной дочери я исполню рэп Эминема, – доверительно говорит он.

Черт. Надеюсь, викарий Паркер мало что поймет.

Дэнни не лучший в мире рэпер. Но когда он заканчивает, все хлопают и восторженно кричат, даже мамы партнерши по бриджу. На бис он исполняет еще одну песню Эминема, а Сьюзи изображает Дайдо¹³. Затем Том с Джесс читают южноамериканскую детскую молитву, очень трогательную. Эстафету принимает папа, он поет «Que Sera Sera», и все подхватывают, а Мартин дирижирует китайской палочкой для еды.

Викарий почему-то выглядит слегка испуганным.

– Благодарю всех за столь оригинальный вклад в церемонию, – цедит он. – А теперь не могли бы вы подойти к купели...

– Нет! – прерываю его я. – Я тоже хочу произнести речь, я ведь мать Минни.

– Ребекка! – гремит Паркер. – Хватит уже!

– Я быстренько!

Спешу по проходу, спотыкаюсь и почти падаю. Буду говорить, пока не появится Люк. Это единственный выход.

– Приветствую вас, друзья и члены семьи! – начинаю я, старательно избегая взгляда викария. – Сегодня особенный день. Очень, очень особенный. Сегодня крестят Минни.

Делаю паузу, дабы все осознали, и быстро проверяю телефон. Ничего.

– Но что мы имеем в виду под этим? – Я поднимаю палец, в точности как викарий Паркер во время проповедей. – Или мы тут собрались забавы ради?

Присутствующих охватывает волнение, слушатели пихают друг дружку локтями, перешептываются. Я польщена. Не думала, что моя речь так всколыхнет всех.

– Легко пройти по жизни, не обращая внимания на ее цветы. – Я многозначительно киваю и вызываю еще большее волнение среди публики.

Реакция потрясающая! Может, мне податься в проповедники? У меня, похоже, дар.

– Это заставляет призадуматься, верно? – продолжаю я. – Но что мы имеем в виду под словом «призадуматься»?

Теперь уже шепчутся все. Люди передают друг другу телефоны, показывая на экран. Что происходит?

– Почему мы все сегодня здесь собрались? – вопрошаю я, пытаюсь перекричать нарастающий гвалт. – В чем дело? На что вы все смотрите?

Даже мама с папой уставились в мамин «блекберри».

– Бекки, взгляни сюда. – Голос у папы какой-то странный.

¹³ Британская поп-певица, принимавшая участие в клипе Эминема «Stan», для которого он использовал куплет из ее песни.

Он встает и передает мне телефон. Я плююсь на диктора на сайте Би-би-си.

– ...Новая информация о главной новости дня о том, что «Банк Лондона» согласился на экстренное финансирование со стороны «Банка Англии». Решение принято после многодневных конфиденциальных переговоров, в ходе которых руководство предпринимало усилия, чтобы спасти положение...

Я вглядываюсь в интернетовский ролик. Несколько мужчин в костюмах выходят из «Банка Англии» с самым мрачным видом. Среди них Люк. Он был в «Банке Англии»?

О боже, он и теперь там?

На экране появляется группа комментаторов, сидящих вокруг стола, вид у них самый что ни на есть серьезный.

– Значит, по сути, «Банк Лондона» – банкрот? – вопрошает телевизионная девица в очках, мымра сушеная.

– «Банкрот» – слишком сильное слово... – начинает один из комментаторов, но я не слышу его дальнейших слов, потому что в церкви поднимается настоящая паника.

– Банкрот!

– «Банк Лондона» разорился!

– Но там все наши деньги! – истерично кричит мама. – Грэхем, сделай что-нибудь! Забери деньги!

– Наши деньги на отпуск! – причитает Дженис.

– Моя пенсия! – вторит ей какой-то старичок.

– Не надо преувеличивать! – пытается перекричать всех Джесс. – Я уверена, вкладчики ничего не потеряют, банки гарантируют...

Ее никто не слушает.

– Мои ценные бумаги! – Викарий срывает с себя свою парадную хламиду и несется к двери.

– Вы не можете уйти! – взываю к нему я. – У нас крестины!

Но он игнорирует мои вопли – и, к моему изумлению, мама спешит вслед за ним.

– Мама! Вернись!

Хватаю Минни за руку, прежде чем она тоже свалит. Через каких-то несколько секунд в церкви пусто. Остались только мы с Минни, Сьюзи, Джесс, Том и Дэнни. Мы переглядываемся, затем молча бредем к дверям, выходим на крыльцо и застываем от изумления.

– Вот же мать твою! – выдыхает Дэнни.

По улице, по направлению к местному отделению «Банка Лондона», несется людской поток. Я вижу, как мама ожесточенно сражается за место в очереди, а викарий Паркер нахально втискивается перед пожилой дамой. У дверей в панике мечется молодой человек в форме банковского клерка, тщетно пытаюсь навести порядок.

В изумлении я наблюдаю за происходящим и тут вижу нечто совсем уж небывалое. В толпе мелькает знакомая фигура. Темные волосы, уложенные в прическу-шлем, бледная кожа, стильные очки, костюм в мелкую клетку...

Я не верю своим глазам. Это же...

Элинора?

Не может быть, померещилось. В центре толпы что-то истошно кричит полицейский. Костюма в клетку нигде не видно. Странно. Должно быть, ошиблась.

– Посмотрите на копа, – хихикает Дэнни. – Сейчас психанет. У него есть электрошокер, как думаете?

– О боже! – вскрикивает Сьюзи.

На крыше банка появляются люди, они пытаются спуститься к окну второго этажа. Мы обмениваемся со Сьюзи ошарашенными взглядами. Такое впечатление, что на Землю

напали инопланетяне. Или что разразилась война или землетрясение. За всю свою жизнь я не видела ничего подобного.

5

Так. По крайней мере, все встало на свои места. И я могу простить Люка. У него и вправду «серьезные проблемы», и кризис, о котором он говорил, самый настоящий.

Люк уже позвонил и пообещал приехать домой при первой же возможности. Все это время он находился в «Банке Англии», где вместе со всякими шишками пытался найти выход из положения. А теперь пытается «справиться с ситуацией» и «минимизировать ущерб». Вкладчики осадили все отделения «Банка Лондона». Сам премьер-министр собирается обратиться к нации с заявлением.

– Хотите чаю?

Мы все – Дэнни, Сьюзи, Таркин, Джесс, Том и я – сидим в гостиной, растерянные и онемевшие. По новостному каналу крутят одни и те же кадры – как мрачный Люк выходит из банка в окружении столь же мрачных шишек.

– Ну вот. – Папа ставит поднос на стол. – Такая неразбериха. Вы собираетесь перенести крестины?

– Придется, – говорю я. – Надо найти дату, когда все смогут вырваться.

– Весь январь дел по уши. – Дэнни сверяется со своим айфоном и радостно сообщает: – Но январь *следующего* года у меня совершенно свободен.

– А у нас открывается охотничий сезон, – вздыхает Сьюзи.

– Не забудь, что мы собирались в Озерный край, – напоминает папа.

Боже, все так *заняты*. В конце концов я прошу написать каждого, когда он сможет выбраться в ближайшие несколько месяцев. Джесс рисует календарь и методично вычеркивает почти все дни.

– Три варианта, – наконец объявляет она. – Восемнадцатое февраля, одиннадцатое марта или седьмое апреля.

– Седьмое апреля? – переспрашиваю я. – Это день рождения Люка.

– А я и не знала, – удивленно говорит Сьюзи. – Я вообще не знала, что у Люка бывают дни рождения.

– Он про них и не вспоминает. Я каждый раз пытаюсь устроить праздник, но он каждый раз все отменяет из-за своей занятости.

Никогда мне в этом не понять Люка. Он не волнуется из-за подарков, не считает оставшиеся дни. Он вообще о своих днях рождения не помнил бы, если бы не я. И как можно забыть о собственном дне рождения?

Я снова смотрю на экран телевизора. Вот Люк в который раз появляется из дверей «Банка Англии», морщины на его лбу глубже обычного. Меня затопляет нежность. У Люка выдался ужасный год, и он заслужил удовольствие. Устрою ему вечеринку. Даже если он не хочет. Даже если попытается отменить ее.

– А что, если я устрою для Люка вечеринку-сюрприз? – Я взволнованно оглядываю друзей. – Он решит, что я готовлюсь к крестинам Минни... но это будет и вечеринка в честь его дня рождения!

Я тут же представляю, как Люк входит в темную комнату, вспыхивает свет и все кричат: «С днем рождения!» Люк каменеет от удивления...

О боже. Я должна сделать это. Должна.

– Хорошая идея, Бекс! – Глаза у Сьюзи загораются.

– Устрашающая. – Дэнни отрывается от айфона. – А какая тема?

– Не знаю. Но что-то действительно потрясающее. Чтобы Люку понравилось.

Я никогда прежде не устраивала подобных вечеринок, но ведь это не так уж и сложно, верно? То есть это обычная вечеринка, только ты готовишься к ней втайне. Легче легкого.

– Бекки, ты уверена, что сейчас подходящее время для вечеринок? – хмурится Джесс. – Вдруг все это, – она показывает на телевизор, – окажется правдой? Вдруг мы стоим на краю финансовой катастрофы?

В этом вся Джесс. Кто еще способен завести речь о финансовой катастрофе во время милого обсуждения вечеринки?

– Ну, тогда всем уж точно нужно повеселиться, разве не так? – с вызовом говорю я.

Но Джесс стоит на своем:

– Надо быть благоразумными, особенно в такие времена. У тебя есть деньги на вечеринку?

Ну что это такое? Шоу «Кто хочет стать надоедливой старшей сестрой?»

– Может, и есть. – Я беззаботно пожимаю плечами. – Может, я специально копила ради такого случая.

В комнате воцаряется тишина, лишь Дэнни коротко фыркает. Том глупо ухмыляется, и я награждаю его сердитым взглядом. Я когда-нибудь смеялась над его задумками? Смеялась, когда он построил нелепый двухэтажный летний домик в саду Дженис? (Впрочем, может, и смеялась. Но летние домики и вечеринки – вещи разные.)

Но особенно задевает меня страдальческий взгляд Сьюзи, будто она едва сдерживает смех. Она краснеет и говорит поспешно:

– Но вечеринка вовсе не обязательно должна быть дорогой, правда? Можно устроить скромную вечеринку, Бекс. Экономную!

– Верно, – кивает Джесс. – Том возьмет на себя домашнее персиковое вино. А я с радостью что-нибудь приготовлю.

Домашнее персиковое вино?

– Включим музыку на айпоне, – предлагает Том.

– Ага, а я буду айпод-диджеем, – поддерживает Дэнни.

– И развесим повсюду самодельные бумажные гирлянды...

Я смотрю на своих друзей в полном ужасе. Лопнул какой-то лилипутский банк, а мы делаем вид, будто у нас война. Мы что, будем теперь есть тушенку и красить ноги, потому что не можем позволить себе чулки?!

– Не хочу ваше домашнее пойло и плеер! – возмущаюсь я. – Хочу *классную* вечеринку! Хочу шатер и музыкальную группу, и блюда из хорошего ресторана, и китайские фонарики повсюду... и представление! Жонглеров и пожирателей огня!

– По-моему, и без пожирателей огня получится хорошо... – начинает Сьюзи.

– Нет! – отрезаю я. – Мне нужна самая грандиозная вечеринка в мире! Я хочу, чтобы Люк обалдел. Хочу, чтобы он вошел и потерял дар речи на... целую минуту. Как минимум.

Мои друзья переглядываются.

– В чем дело? Что не так?

– Да ладно тебе, Бекки. Это будет стоить целое состояние, – говорит Джесс. – Откуда у тебя деньги?

Но я не собираюсь сдаваться.

– Пока не знаю. Буду больше работать.

– Ты не сможешь держать все в секрете от Люка, – встречает Том.

Нет, вы только посмотрите на него! И на остальных! Почему они хотят задушить мою идею на корню?

– Еще как смогу! Вот увидите! Я организую потрясающую вечеринку в полном секрете от Люка...

– Что в полном секрете от Люка?

Я подпрыгиваю чуть не до потолка. Черт побери, как такое могло случиться? Я планирую эту вечеринку всего пару минут – и уже чуть было не прокололась. Успеваю умоляюще

гляднуть на Сьюзи и кидаюсь навстречу Люку. Он стоит в дверях, держа на руках Минни, и выглядит удивительно жизнерадостным.

– Почему ты дома? – спрашиваю я, когда он целует меня. – Все закончилось?

– Я заскочил только переодеться. Неприятностей еще навалом.

– Э, Люк, те слова, что ты слышал, «в полном секрете от Люка»... – Я откашливаюсь. – Ты, наверное, гадаешь, что я имела в виду.

– Да, меня это заинтересовало.

– Ну... просто... э... Не хотела оповещать тебя о том, что все пошло с ума. Из-за «Банка Лондона». Такой бедлам. Думала, ты расстроишься. И потому попросила всех молчать об этом. *Правда?*

Прожигаю взглядом компанию на диване, и Сьюзи послушно отзывается:

– Истинная правда!

– Не волнуйся, – улыбается Люк, – худшее уже позади. – Он ерошит волосы Минни. – Как я понимаю, большое событие в ее жизни так и не произошло?

– Викарий умчался в банк вместе со всеми. Но ничего страшного, – осторожно добавляю я, – мы перенесем крестины на другой день.

– Хорошо. – Люк не проявляет интереса. – Осталось что-нибудь поесть?

– Еды прорва.

Бросаюсь к двери, чтобы принести Люку блины, но тут в комнату входит раскрасневшаяся от сакэ мама.

– Послушайте, голубки, – говорит она, – викарий здесь. Он хочет вас видеть. Проводить его к вам?

– Ну разумеется!

В жизни не видела преподобного Паркера таким смущенным. Он едва осмеливается смотреть нам в глаза.

– Ребекка и Люк, приношу вам свои извинения, – говорит он. – Никогда прежде я не прерывал службу на половине. Не знаю, что на меня нашло.

– Не беспокойтесь, – великодушно отвечаю я.

– Думаю, вы по-прежнему хотите крестить дочь?

– Безусловно! Как раз эту тему мы сейчас и обсуждаем. И уже все распланировали.

– Я так рад. Вы все здесь, поэтому... – И, прежде чем я понимаю, что происходит, он выуживает откуда-то маленькую бутылочку, отвинчивает крышку и брызгает водой на лоб Минни. – Я совершаю обряд крещения во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

– Что? – верещу я, но викарий маслом рисует у малышки на лбу крест.

– Добро пожаловать в Церковь, мое дитя. Да благословит тебя Господь. – Он достает из кармана свечу и протягивает мне: – Мои поздравления, Ребекка. – Затем поворачивается к маме: – Вы говорили, у вас есть суши?

Я не в силах выдавить ни звука.

Минни. Просто Минни?

– Хотите сказать, что вы ее окрестили? – обретаю я голос.

– Совершенно верно, – самодовольно отвечает викарий. – Я все всегда довожу до конца. Еще раз приношу извинения за задержку. Хорошего вам всем вечера.

Он выходит прежде, чем у меня выравнивается дыхание. Он даже *не спросил* про второе имя. А я почти определилась с ним!

– Минни Брендон. – Люк весело усаживает дочь себе на плечи. – Отличное имя. (Я злобно смотрю на него.) Пойду проглочу что-нибудь.

Люк исчезает за дверью, а я сдуваюсь как шарик, из которого выпустили воздух. Остальные словно оцепенели.

– Ну, это было несколько неожиданно, – наконец оживает Том.

– Значит, седьмого апреля ничего не будет? – спрашивает Дэнни.

– Может, оно и к лучшему, – задумчиво говорит Джесс. – Бекки, не хочется портить тебе настроение... но у тебя ни за что бы не получилось организовать эту вечеринку.

– Получилось бы! – огрызаюсь я.

– В любом случае, – вмешивается Сьюзи, – теперь это не имеет значения.

Меня так и распирает от обиды и злости. Значит, они все уверены, что я вот возьму и забуду про свою идею?! Считают, что вечеринка мне не по плечу? А еще друзья. Они должны верить в меня.

Ну нет, я им всем покажу.

– Вечеринка состоится! – объявляю я. – Не позволю этому глупцу викарию нарушить мои планы. Седьмого апреля я устрою вечеринку в честь Люка. И он будет на седьмом небе от счастья!

И чуть было не добавляю: «Съели?»

– Бекс... – Сьюзи оглядывает всех, ожидая поддержки. – Мы вовсе не хотим сказать, будто ты не способна...

– Нет, хотите! – взрываюсь я. – Именно это вы и хотите сказать! И вы пожалеете о своих словах!

– Эй, что происходит? – Дэнни отрывает взгляд от айфона. Не думаю, что он заметил, как крестили Минни. – Что там с вечеринкой? Состоится или нет?

– Состоится! – твердо говорю я. – Еще как состоится!

Кто знает о вечеринке

Я

Сьюз

Таркин

Дэнни

Джесс

Том

Итого: 6 человек

6

Я уже основательно продвинулась с организацией вечеринки – и весьма горжусь собой, ведь я не профессионал в этом деле. Я купила специальную тетрадь и для конспирации написала на обложке: «Сапоги на высоких каблуках – возможные варианты». А внутри – исчерпывающий список необходимого. Вот он.

Вечеринка – что надо сделать

Шатер – где взять? Где установить? Какого размера?

Пожиратели огня – где их найти?

Жонглеры – где найти?

Тема – какая?

Еда – какая? (Шоколадный фонтан?)

Напитки – НЕ персиковое вино.

Танцы – нужен танцпол. Блестящий? Или черно-белый и весь в огнях, как в «Лихорадке субботнего вечера»?¹⁴

Гости – кто? Позвать старых друзей? (НЕ Венецию Картер).

Наряд – черное платье с блестками от Бальмэна с прозрачными сандалиями от Занотти и браслет от Филиппа Оберта? Бирюзовое платье от Ролана Муре с плетеными туфлями от «Прада»? Красное мини-платье от Аззаро и черные туфли от Кристиана Лубутена?

Согласна, некоторые вопросы требуют прояснения. Но самая *насущная* проблема – это чтобы Люк седьмого апреля был свободен и не умотал в деловую поездку. А значит, мне требуется сообщник.

Дожидаюсь момента, когда останусь в кухне одна, и набираю номер.

– Офис Люка Брендона, чем могу помочь? – раздаётся прекрасно поставленный голос.

Помощницу Люка зовут Бонни, она работает у него год. Ей за сорок, у нее светлые волосы, уложенные в идеальный узел. Она носит твидовые костюмы и туфли-лодочки и всегда говорит мягким спокойным голосом. На приемах в «Брендон Комьюникейшнс» Бонни держится в стороне и пьет только воду. Я пыталась поболтать с ней пару раз, но она не слишком разговорчива.

Бонни настоящая находка. Люк от нее в восторге. Она очень профессиональна и тактична, а еще она телепатка, потому что всегда заранее знает, что Люку может понадобиться. Я бы забеспокоилась, если бы сумела представить ее в постели.

– Привет, это Бонни? Говорит Бекки. Жена Люка.

– Бекки! Как дела?

Она постоянно радуется, заслышав мой голос, хотя, может, про себя и думает: «Вот черт, опять его женушка».

– Хорошо, спасибо. А как у вас?

– Очень хорошо. Соединить вас с Люком?

– На самом деле, Бонни, мне нужно поговорить с вами. Я хочу устроить для Люка... – Зажимаю рот ладонью, охваченная приступом паранойи, – а вдруг Люк вернулся с работы пораньше, желая сделать мне сюрприз, и теперь подслушивает у двери? Проверяю. За дверью его нет.

Хм. И почему он так никогда не поступает?

¹⁴ Музыкальный кинофильм с Джоном Траволтой в главной роли, 1977 год.

Чтобы быть совершенно спокойной, плотно закрываю кухонную дверь и подпираю ее стулом. Шпионские страсти. Чувствую себя участницей французского Сопротивления из «Алло, алло»¹⁵.

– Бекки, вы здесь? – спрашивает Бонни. – Бекки?

– Слушайте очень внимательно, я не смогу повторить, – замогильным голосом шепчу в трубку. – Я устраиваю вечеринку-сюрприз в день рождения Люка. Это совершенно секретно, и вы лишь одна из семи человек во всем мире, кто знает об этом.

И чуть было не добавляю: «А теперь мне придется пристрелить вас».

– Простите, Бекки... – Голос у Бонни обескураженный. – Я вас не слышу. Не можете ли вы говорить погромче?

– Вечеринка! – Я слегка повышаю голос и кошусь на дверь. – Я устраиваю для Люка вечеринку седьмого апреля. Вечеринку-сюрприз. Вы можете придумать какой-нибудь предлог, чтобы он не назначал на этот день никаких встреч?

– Седьмого апреля? – невозмутимо переспрашивает Бонни. – Это просто.

Видите? Вот почему она идеальная помощница. Ведет себя так, будто сталкивалась с подобной ситуацией миллион раз.

– Я хочу пригласить всех его друзей с работы, так что пусть они тоже ничего не намечают на этот день. Но это не должно выглядеть подозрительно. И никому пока не говорите о вечеринке. Лучше сказать всем, что в этот день грядут пожарные учения. Да, так и сделаем! А если Люк...

– Бекки... – вежливо перебивает меня Бонни, – может, нам с вами встретиться и все обговорить?

Отлично! Кладу трубку, рот у меня до ушей. Все складывается превосходно! Бонни предложила согласовать список гостей, и на следующей неделе мы встречаемся за ланчем. Осталось решить, где устроить вечеринку.

Смотрю в окно. Сад – идеальное место, но тогда мы не сможем держать все в секрете от Люка.

– Слышала последние новости? – В кухню стремительно врывается мама, стул-баррикада отлетает в сторону. За мамой топает Минни. – Не только «Банк Лондона»! Все банки похожи на швейцарский сыр! В них полно дыр! Ты слышал, Грэхем? – оглядывается она на папу, тоже возникшего на пороге кухни. – Вся банковская система готова обрушиться!

– Плохо дело, – кивает папа, включая чайник.

Я бросила смотреть новости, потому что они вгоняют меня в депрессию, но история с «Банком Лондона» все сильнее походит на мыльную оперу. Банкоматы не работают, по ночам в окна офисов банка летят камни. Вчера вечером по телевизору выступил премьер-министр и попросил не забирать деньги. Но после его речи люди совсем уж обезумели.

– Люк считает, что мы не потеряем деньги, – отваживаюсь сказать я.

– Ах, «Люк считает»! – вскрикивает мама. – А он оповестит нас, если начнут рушиться прочие финансовые организации? Или для него это будет слишком хлопотно?

Похоже, мама никогда его не простит.

– Мама, – повторяю я в миллионный раз, – Люк *не мог* ничего нам сказать. Это была государственная тайна. А ты разболтала бы ее всему Оксшотту!

– Я бы не стала рассказывать всему Оксшотту! – резко возражает она. – Просто предупредила бы Дженис с Мартином и парочку близких подруг. А теперь мы, возможно, потеряем все. Все! – Она с возмущением таранит меня взглядом, словно это я виновата в разразившемся финансовом кризисе.

– Мама, вот посмотришь, все обойдется.

¹⁵ Британский комедийный сериал.

– Сегодня утром по радио сказали, что скоро наступит анархия! И вся цивилизация рухнет! И нас ждет война!

– Ну-ну, Джейн, – папа легонько хлопает ее по плечу, – давай не будем так остро реагировать. Возможно, нам придется лишь потуже затянуть пояс. *Всем* нам, Бекки. – Он выразительно смотрит на меня.

Я обиженно отворачиваюсь. Что означает его взгляд? Вообще-то, я взрослая. Я *мать*. Вот так всегда. Поселяешься под одной крышей с родителями, и они тут же начинают обращаться с тобой как с подростком, истратившим деньги на автобус на пару чулок.

Между прочим, я поступила так всего *один* раз.

– Бедняжка Дженис слегла от треволнений. – Мама почти шепчет, словно Дженис может услышать нас из-за забора. – С нее хватило новости, преподнесенной Джесс и Томом.

– Бедняжка Дженис, – в унисон вторим мы с папой.

– Она все сердце вложила в эту свадьбу. Конечно, нынешние молодые любят поступать по-своему, но разве так трудно пройти в фате по проходу в церкви? Дженис уже продумала убранство столов и сувениры для гостей. Что ей теперь делать с серебряной кисеей?

Мама продолжает сетовать, и тут меня посещает неожиданная идея.

Сад Дженис. Ну разумеется! Можно установить шатер там, и Люк ничего не заподозрит! Решит, что это Дженис с Мартином устраивают попойку!

– ...Даже не поставишь свадебную фотографию на каминную полку...

– Послушай, мама, – прерываю я эти причитания, – ни слова Люку, но я собираюсь организовать вечеринку в его день рождения. И я подумала... Как считаешь, Дженис позволит устроить прием у них в саду?

Молчание. Папа с мамой смотрят на меня немного странно.

– Вечеринку, милая? – Голос у мамы какой-то неестественный. – Хочешь пригласить кого-то из друзей?

– Нет! Хочу закатить классный праздник. С шатром и всем прочим.

Мама с папой обмениваются взглядами.

– В чем дело? – сержусь я.

– Звучит так, будто ты затеваешь нечто грандиозное.

– Ну да, – вызывающе говорю я. – Грандиозное и блестящее. У нас будет танцпол с подсветкой и пожиратели огня, и Люк будет сражен наповал.

Я представляю эту картину каждую ночь: Люк, потрясенно вззирающий на самую крутую в мире вечеринку. Господи, жду не дождусь.

– Пожиратели огня? – переспрашивает мама, лицо у нее перепуганное. – О, Бекки, родная...

– Опять Джордж Майкл, – мрачно бормочет папа, и я чуть не задыхаюсь от возмущения. Это идет *вразрез* с нашими семейными правилами. Никто не должен вспоминать о Джордже Майкле. Мы даже выключаем «Беспечный шепот», когда эта песня звучит по радио или телевизору.

– Ну, папа, спасибо тебе, – язвительно произношу я и заверяю: – Ничего подобного не будет!

История с Джорджем Майклом так ужасна, что я едва осмеливаюсь вспоминать ее детали. Мне исполнилось тринадцать, и весь класс думал, будто Джордж Майкл выступит у меня на дне рождения. Потому что я так сказала. И все пришли с блокнотами для автографов и фотоаппаратами...

Меня начинает чуть подташнивать при этих воспоминаниях. Тринадцатилетние девочки такие противные.

И я ничего не выдумывала, хотя все считали именно так. Я позвонила в его фан-клуб, и какой-то мужчина заверил меня, что Джордж Майкл с радостью придет и выступит, а я его... не поняла. Не поняла, что он смеется надо мной.

– А ты помнишь про фей, Грэхем? – Мама хлопает себя по голове. – Помнишь этих впавших в истерику девчушек?

Почему родители то и дело напоминают о каких-то гадостях? Ладно, может, и не стоило говорить подружкам, что у меня в саду живут феи, что они соберутся на мой пятый день рождения и каждая из девочек сможет загадать желание. Не следовало также объяснять, что феи передумали, поскольку никто не подарил мне действительно хороший подарок.

Мне было *пять*. В этом возрасте ты вечно что-то вытворяешь, но сейчас мне *двадцать восемь*.

– Вы собираетесь и дальше перечислять мои прошлые ошибки? – обиженно говорю я.

– Милая. – Мама кладет руку мне на плечо. – Я просто хочу сказать, что... празднование дней рождений никогда не было твоим коньком. А теперь все иначе?

– Эта вечеринка у меня получится! – уверенно говорю я, но мамино лицо все такое же обеспокоенное.

– Ты раздаешь слишком много обещаний, родная.

– Почему бы вместо этого не устроить обед в честь Люка? – предлагает папа. – В «Королевском мече» хорошо готовят.

«Королевский меч»? Так, я официально ставлю крест на друзьях и членах семьи.

– Мне не нужен унылый обед в пабе! Хочу устроить Люку *вечеринку*. И устрою, даже если вы считаете, что она обернется бедствием...

– Мы так не думаем! – Мама косится на папу. – Мы всегда готовы помочь...

– Нет нужды! – высокомерно изрекаю я. – Уже помогли, спасибо.

Вихрем вылетаю из кухни, прежде чем кто-то из них успевает ответить. Знаю, я веду себя по-детски. Но, если честно, родители могут так... *достать*.

Разумеется, они не правы, потому что организация вечеринки-сюрприза – плевое дело. Почему бы мне не устраивать праздники почаще? К вечеру у меня уже все решено. Седьмого апреля мы раскинем шатер в саду соседей. Дженис с Мартином уже в команде и поклялись соблюдать секретность. Правда, разговор слышал водопроводчик, чинивший у них кран, но побожился, что будет нем как могила.

Вот только мамина паника меня беспокоит. Днем мама прослушала передачу по радио, в которой сказали, будто британский бюджет – огромная черная дыра, а пенсии вот-вот отменят, как и вообще деньги. И мама тут же созвала всех на семейное совещание. Минни спит у себя в комнате; на кухонном столе – откупоренная бутылка вина, а мы сидим кружком – вылитые заговорщики.

– Итак, – берет слово папа, – совершенно очевидно, что в мире имеются... проблемы.

– Я только что осмотрела подвал. – Мамин голос слегка дрожит. – У нас осталась вода в бутылках, припасенная в двухтысячном, когда обещали проблему миллениума. А также восемь ящиков консервов и коробка свечей. Думаю, три месяца мы продержимся, хотя как быть с малышкой Минни...

– Джейн, мы не в осаде, – с некоторым раздражением говорит папа. – Магазины все еще работают.

– Никогда не знаешь, что будет завтра! Мы должны быть готовы ко всему! В «Дейли орлд» пишут...

– Но нас могут ждать финансовые потрясения, – перебивает ее папа. – И это коснется всех. Поэтому предлагаю экономить.

Повисает мрачное молчание. Никому из нас не нравится экономить.

– Я знаю, куда уходят деньги, – категорично заявляет мама. – На жареные орешки из «Маркса и Спенсера», которые мы покупаем по твоему настоянию, Грэхем. Тебе известно, сколько они стоят? А ты сидишь перед телевизором и поглощаешь их целыми горстями...

– Чепуха! – вспыхивает папа. – Знаешь, на что деньги утекают? На джем. Сколько банок джема мы способны съесть? Кому нужен... – Он лезет в шкаф и хватает первую попавшуюся банку. – Кому нужен джем из крыжовника и бузины?

Вообще-то его купила я, на ярмарке.

– А что ты от меня хочешь? – негодуя восклицает мама. – Чтобы я жила на какой-то уцененной дряни из пищевого красителя и репы?

– Возможно! Возможно, нам стоит посещать эконом-магазины. Мы пенсионеры, Джейн. И не можем позволить себе роскошь.

– Это все кофе! – выдает свежую мысль мама. – Как называются эти штуковины, что покупает Бекки? «Неспрессо»?

– Да! – подхватывает папа. – Совершенно согласен. Пустая трата! Сколько стоит банка?

Они обвиняюще смотрят на меня.

– Мне нужен хороший кофе! – в ужас лепечу я. – Это единственная роскошь, которую я себе позволяю!

Ох, мало того, что я вынуждена жить с родителями, так еще теперь придется хлебать бурду с цикорием... Нет, это выше человеческих возможностей.

– Если хотите знать мое мнение, все дело в телевизоре! – бросаю я ответное обвинение. – Вы включаете его слишком громко. Не экономите электрическую энергию.

– Не смей меня, – хмыкает мама.

– Только не кофе! – кричу я ожесточенно.

– Думаю, мы можем отказаться от джема прямо с завтрашнего дня, – гнет свою линию папа. – Все эти джемы, повидла...

– Ну, если на то пошло, то я готова вообще отказаться от еды! – взвизгивает мама. – Да, откажусь от еды, Грэхем, потому что еда – это деньги на ветер!

– В любом случае, «Неспрессо» дома в миллион раз дешевле, чем кофе в кафе. И вы за него не платите, я сама покупаю его по Интернету! Поэтому...

Мы так увлечены спором, что я не сразу замечаю Люка. Стоя на пороге, он наблюдает за нами, и уголки его губ подергиваются.

– Ой, привет! – Я с облегчением вскакиваю. – Как дела? Все в порядке?

– Да, все хорошо, – кивает он. – Я просто заскочил пожелать Минни спокойной ночи. Но она уже спит. – Он печально улыбается, и я сочувствую ему. В последние дни он видит дочку так редко.

– Она снова потребовала в кроватку все свои игрушки, – говорю я. – Даже кукольный домик.

Люк смеется.

Последняя выдумка Минни – вылезти из постели после того, как я пожелала ей спокойной ночи, собрать все игрушки и побросать их в кроватку, где едва остается место для нее самой. Сегодня, поднявшись проведать ее, я обнаружила Минни, крепко сжимающей во сне деревянного пони, со всех сторон ее окружал целый плюшевый зверинец, а ножки упирались в игрушечный домик.

– Люк, мы обсуждаем текущую ситуацию, – чопорно сообщает мама.

– Текущую ситуацию? – Люк вопросительно смотрит на меня.

– Пытаемся придумать, на чем можем сэкономить, – объясняю я и очень надеюсь, что он ответит: «Какая ерунда, да все в полном порядке, давайте откупорим шампанское», но Люк лишь понимающе кивает:

– Неплохая идея при нынешних обстоятельствах.

– А что это за обстоятельства? – тут же вопрошает мама. – Люк, скажи нам, «Дейли уорлд» права или нет? Я слышала, как один человек по радио сказал об эффекте домино. А мы костяшки. Доминошки.

– Мы – нет. – Папа поднимает глаза к потолку. – Это банки – доминошки.

– Ну а кто тогда мы? – Мама сверлит его взглядом. – Игральные кости?

– Джейн, – мягко говорит Люк, – не нужно верить всему, что говорят СМИ. Они порой высказывают крайние взгляды. Пока еще ничего нельзя сказать наверняка. Ясно только, что доверие к банкам подорвано и среди людей паника. И не только в банковском секторе. Но пока неясно, подтвердятся ли всеобщие опасения.

Мама явно не удовлетворена его ответом.

– Но что говорят эксперты?

– Люк сам эксперт! – возмущаюсь я.

– Экономические гуру, к сожалению, не являются предсказателями, – пожимает плечами Люк. – И они не всегда солидарны друг с другом. Но лучше быть благоразумными.

– Святая правда, – одобрительно кивает папа. – И я о том же. Наши расходы превышают допустимые. Джейн, кризис у нас или нет, но это стоит четыре фунта! – Он размахивает банкой с джемом из крыжовника. – Четыре фунта!

– Очень хорошо. – Мама язвительно смотрит на папу. – Отныне я буду отовариваться в магазине, где все по фунту. Ты счастлив, Грэхем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.